

18+ **Артем Соколов**

Дорога так далеко



Артем Соколов

Дорога так далека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988758

ISBN 9785005324702

Аннотация

Когда все вокруг счастливы, а ты нет, надо найти свою фишку. Максим не способен ни строить отношения, ни учиться, ни работать, ни быть счастливым. И решил стать убийцей. Он взял свою школьную влюбленность, ее парня, фургон и поехал куда глаза глядят в поисках других серийных убийц, которых можно убить. Потому что, что еще делать, когда ты не можешь быть счастливым? Но такие истории все равно не заканчиваются счастливо. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

| | |
|---------------------------------------------------|-----|
| Глава 1 – Сегодня та самая ночь | 5 |
| Глава 2 – Привет, нам надо поговорить о Монике | 20 |
| Глава 3 – Это мое болото | 44 |
| Глава 4 – Мертвые мальчики не плачут | 78 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 121 |

Дорога так далека

Артем Соколов

© Артем Соколов, 2021

ISBN 978-5-0053-2470-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 – Сегодня та самая ночь

Все вызывает к жажде. О, этот симфонический рев тысяч невидимых голосов, крик Жажды внутри тебя, сама суть, молчаливый наблюдатель, затаившееся холодное нечто, хохочущее и танцующее в лунном свете. Это сам я, который на самом деле не я, а тот, кто глумился и хохотал, а вот теперь зашелся от голода.

Джефффри Линдсей «Дремлющий демон Декстера»

Тьма позволяет игнорировать неприглядное, но жить в ней нельзя, ведь пока вы смотрите на электрическую свистопляску, из темноты к вам могут постучаться. А там много страшного творится.

Тьма сейчас была в полном своем праве. Всего лишь в небольшом отдалении от дороги свет фонарей уже казался фантастикой, только зарево в небе от огней ночного города говорило о присутствии цивилизации. Но чем дальше в лес, тем и цивилизация дальше, и огни слабее.

Лес был самый что ни на есть настоящий, густой, с оформленными, но разбитыми тропинками. Стоянки тут были редко (для леса в черте города), раз в три, в пять километров можно было встретить пустующую беседку с несколькими лавочками и потухшим кострищем. Даже воздух говорил

об отдалении цивилизации: он был влажный, лесной, ощутимо холоднее, чем в городе, даже сейчас, в конце мая, когда лето уже окончательно вступило в свои права.

По одной из абсолютно пустых дорожек шел мужчина. Под тридцать лет, тощий, бритый, в крайне старых джинсах и каком-то сером худи. Кожа обтягивала его череп и трясущую руку с почти пустой банкой «берна». И другую такую же руку, которой он лихорадочно листал карты на дешевеньком смартфоне. Его глаза все время бегали по сторонам, осматривая плотную стену леса, обступающую тропинку. Он явно нервничал, постоянно оглядывался, вертелся.

Тьма кажется красивой средой, но внутри приходится постоянно быть настороже. Так и мужик постоянно прислушивался к лесной тишине. Мало того, что ему так и не удавалось дойти до указанной геолокации, так еще и в этот раз ему постоянно казалось, что лес не так уж пуст, как нужно. Постоянно то тут то там возникал хруст, не похожий на обычный хруст веток, спину сверлил взгляд. Парень конечно этого не замечал, но даже ветер дул сегодня чуточку по-другому. Однако понять это ему не было суждено. Он смотрел на свет экрана, когда его окружала тьма, а потому не видел, как к нему крадутся.

Пройдя еще немного, он внезапно свернул с тропинки и углубился в лес. Местность, где бывают хоть какие-то редкие патрули, парень давно оставил позади. Он продирался через чащу долго, ведущая к людям дорожка осталась доста-

точно позади, чтобы ее можно было легко потерять. В облачную ночь любитель лесных прогулок был вынужден довольствоваться светом от фонарика на телефоне. Но пока фонарик развлекал глаз в двух метрах перед ним, в остальной тьме вокруг него кружила опасность.

Наконец его лицо осветилось триумфом и он остановился. Он пришел куда надо. Пусть позже, чем ожидалось, но все же... Он почти смеялся от радости: уже скоро он будет с весом у себя дома, где никто ему не мешает. Парень огляделся. Кругом был глухой лес. Хоть формально это все еще Москва, но отсюда ни за что не скажешь, что в пределах досягаемости есть люди. Да, все как по инструкции, значит где-то вот здесь...

Бритоголовый опустился на колени на землю, и, не обращая внимания на грязь, принялся копать руками. Он просто рвал землю пальцами и отбрасывал ее горстями в сторону, пока довольно скоро ему не показался плотный брикет, обернутый в толстый слой пищевой пленки, и зачем-то еще перетянутый местами изолентой.

«Кладоискатель» ликовал. На этот брикет он спустил практически все свои сбережения, зато за счет оптовой закупки он получил рекордно низкую для себя цену за грамм. Травка обещала веселье на долгое, очень долгое время. И это определенно стоило такой долгой ночной прогулки.

Он снова вынул телефон и попытался найти более короткую дорогу к месту, куда можно было бы вызвать такси,

но на месте пресловутого индикатора упорно стоял кружок с чертой внутри. Парень психанул и снова попытался поймать сигнал, а тем временем, тьма пришла в движение. В стороне ощутимо хрустнула ветка, но укурыш был слишком увлечен, чтобы заметить. Затем где-то на периферии зрения отчетливо мелькнула большая тень. Этого он игнорировать уже не мог и резко сунул телефон в карман, а брикет запихнул куда-то в худи.

– Кто здесь? – можно было бы почувствовать неловкость от собственного глупого вида, но этот парень знал как легко ночью нарваться на совсем нежелательных персонажей. – Ты там? Покажись!

Парень не мигая смотрел на затемненную сторону толстого дерева. Он готов был поклясться, что мог различить размытые границы силуэта, затаившегося там. Но без телефона, который сменил выкидной нож, он был слеп. Тьма обступила его со всех сторон, не было даже звездного света, он начал теряться где какая сторона и уже не был уверен что смотрит на все то же дерево, рядом с которым он подозревал тень.

Голова кружилась, прокуреный разум затуманивался липким неотвратимым страхом. Он весь напрягся как струна, готовый в любой момент защищаться. Внезапно в стороне от него послышался громкий стук, будто что-то упало. Нервишки не выдержали, и он резко рванулся в ту сторону, нанося несколько ударов ножом, а затем резко отступил назад, сжавшись в ожидании ответа. Но ничего не произошло.

И лишь спустя несколько тяжелых вдохов тень выдала себя.

Монстр налетел на него со спины, толкнув вперед. Парню этот налет показался ударом урагана. В глазах потемнело, нож чуть не вывалился из рук. Он все же смог развернуться и твердо встать на ноги. Он не мог видеть лицо нападавшего, но тот факт, что неизвестный заметно превосходил его по габаритам, пропустить было трудно.

Завязалась драка, они размахивали руками и по очереди отпрыгивали друг от друга. В один момент торчок ощутил, как стальная хватка стиснула его предплечья и подняла в воздух. Попытки махать ножом привели лишь к тому, что его швырнули в сторону. Как плюшевую игрушку. Столкнувшись с деревом, он снова чуть было не отключился, но кипящий в крови адреналин не позволил, так что он, как мог, поднялся, не обращая внимания на потерю ножа, и рванул прочь.

Чутье подсказывало, кричало, что связываться с тенью себе дороже. Но не пробежал он и десяти шагов, как толстовка врезалась ему в горло – кто-то схватил его за капюшон сзади. Беглец был вынужден замереть на секунду. Страх окончательно охватил его, еще никогда это чувство не было в нем настолько животно.

– По!.. – Он попробовал сделать то, чего он бы не сделал ни в какой другой ситуации, но крик оборвался вначале мычанием, а через секунду и хрипом: чья-то ладонь крепко зажала ему рот и оттянула голову назад, а затем по его горлу

прошло лезвие.

Брызнула кровь, много крови. Руки отпустили его, так что он повалился на землю, хватаясь за горло и издавая довольно громкие хрипы-визги. Крови было очень много, разрез кривой и явно не профессиональный, но важные артерии он задел, так что вскоре жертва затихла навеки.

Убийца огляделся, а затем возник свет и показалось его лицо. Это был молодой, совсем еще молодой парень девятнадцати лет. Из-за некоторых деталей внешности он мог сейчас выглядеть нелепо, но не приведите боги вас встретить его в таком виде.

Весь в джинсе: хорошая джинсовая куртка, светло-голубые штаны из той же ткани. Парень светил фонариком на тело и его лицо медленно разглаживалось. От агрессивного напряжения, тоски и возбуждения оно перешло к деятельности. Вот так вот просто – одно убийство и жизнь налаживается. Осталось прибрать за собой. Убийца воткнул фонарик в карман так, чтобы он светил, и без особых усилий вытащил труп на центр поляны.

Он был два метра ростом, пожалуй даже очень высоким, широкоплечим и толстым. Куртка сильно натянулась, когда он расстегивал ее, чтобы достать из внутренних карманов какой-то сверток. Сверток оказался чем-то вроде тонкого белого дождевика из хлипкой ткани с легким водоотталкивающим покрытием, который он накинул поверх обычной одежды.

На его ногах поверх ботинок были натянуты старые носки из толстой поношенной ткани, а на голове, длиннее среднего волосы были собраны в хвост и спрятаны под одноразовую тканевую шапочку. На руках были тонкие белые латексные перчатки. Одноразовые, приятные, эффективные на практике.

Убийца опустился к жертве и вытер нож от его крови об его же толстовку. Это был новый, несомненно недешевый туристический нож. Он схватил тело и перевернул ее на спину, затем полез по карманам. Содержимое закладки мгновенно отправилось в джинсовку, настала очередь кошелька и телефона. Телефон был методично разобран, его батарея была отделена, а по симкарте, молодой убийца прошелся несколькими ударами ступни, после чего все части девайса отправились внутри толстого зиплока к брикету. Кошелек постигла другая судьба – некоторое количество налички (не слишком большое по мнению убийцы) отправилось к нему в карман джинсов, проездной на метро и парочка кредитных карт к разобранному телефону, а дешевенький кошелек он небрежно отшвырнул в сторону.

После проделанной работы он принялся за самую одежду. Тем же ножом, каким он только что перерезал горло, он принялся кусками, тяжело дыша, срезать сначала худи, потом и джинсы, периодически приподнимая тело, чтобы вытащить обрезки и из под него. В процессе были найдены наушники, которые были отправлены к телефону и кредиткам.

Тканевые полосы он складывал туда же, где был кошелек, пока тело не осталось голым.

Оглядев труп, убийца неуклюже встал и отошел слегка в сторону. Он подобрал довольно крупный камень и направился с ним назад к телу. Склонившись на ним, он осторожно, чтобы не забрызгать ничего кроме дождевика начал методично уродовать телу лицо. Он наносил сдержанные удары по нижней части лица, пока челюсть не превратилась в мелкую крошку. Теперь едва ли какой-то стоматолог сможет установить личность. Мелкие кровавые брызги уже в количестве покрыли белый дождевик от горла до низа, но работа еще не была завершена. И он продолжил, до тех пор, пока лицо окончательно не превратилось в плохо различимое кровавое месиво. Он очень не хотел, чтобы, тело могли опознать, если его, конечно, – не дай Ктулху – обнаружат.

Он наспех обтер камень бывшей толстовкой жертвы и отправил его далеко и надолго в чашу. На этом его роль заканчивалась, но это было лишь начало работы над телом. Убийца извлек из карманов длинную зажигалку для газовых плит – новая, только упаковку снял. Наспех поправив шапочку, он склонился к телу с огоньком и принялся за пальцы. Огня требовалось много. Процесс занял минут десять или пятнадцать, но все отпечатки, равно как и девяносто процентов всей ладони были в уголь сожжены. Отлично, шанс опознания еще меньше, но... Но на этом он и не думал останавливаться. Он опустил к ногам и стянул с туши кроссовки.

Внезапно ему пришло в голову заговорить.

– Надеюсь ты не против? – с издевательской усмешкой спросил он. – Никуда не уходи.

Обычный голос. Ближе к басу, отчетливо мужской и взрослый, немного уставший. Владелец голоса осмотрел ботинки и кинул их к все той же куче тряпья, туда же отправились и носки. Теперь труп был абсолютно голым.

Остались лишь куча ветоши и само тело. Тут он закатил глаза – предстояла самая неприятная часть уборки. Он снова склонился к телу. Из кармана был извлечен старый увесистый молоток – в комплект ножу. На молоток была наклеена какая-то странная вата, чем-то пропитанная – этот слой покрывал всю ударную часть и шел до самого конца рукояти, оставляя лишь нижнюю ее грань открытой, но этого было достаточно. Такое покрытие делало молоток мягким, так что для тех же целей что и камень он не подходил, но вот для этой части разделки... Он принялся за работу. Сперва он пилил плоть ножом, затем упирал его в кость и, не щадя лезвие, бил по рукояти молотком. Поза для работы была чрезвычайно неудобной, да к тому же приходилось работать вслепую. Нет, свет фонаря никуда не делся, но приходилось отворачиваться, чтобы брызги попадали только на дождевик – этакий контрацептив между ним и убийством.

Правда, брызг было немного. Немало крови вытекло из убийцы через рану на шее, внутри осталась лишь застоявшаяся. Будь он перевернут в момент перерезания горла,

можно было бы совсем обескровить тело, но увы.

Ох, как он мечтал о нормальном месте для убийств. Разделять тело нормальными инструментами, а не одним единственным ножом, на столе, а не согнувшись в три погибели. В конце концов, слушать музыку, а не выискивать во тьме нежелательных свидетелей.

Наконец, изрядно подпортив нож, убийца разделил руки в сгибе кисти, колена и плеча, ноги в колене, сгибе ступни и плеча. С головой было сложнее, но и она оказалась отдельно.

Убийца залез под штанину своих джинсов и размотал намотанную на ногу полосу. Мешок для трупов. Он сложил в него все части тела. В таком виде они занимали гораздо меньше места, так что он смог скрутить один из краев, и мешок был неотличим от обычной большой сумки.

Оставалась маленькая деталь... Не пачкая сам молоток, он стянул слой окровавленной ваты с молотка и отправил его в кучу ветоши. Осторожно, очень осторожно, чтобы ни капли не попало на его одежду, убийца снял с себя дождевик, скомкал его и бросил туда же. И шапочку, и перчатки.

Убийца извлек из кармана жидкость для розжига. Большая бутылка, но опустошенная больше чем на половину и сплюснутая, чтобы удобнее лежать под курткой.

Он вылил всю жидкость на кучу, равномерно пропитывая ее, а затем отошел: парафин должен хорошо впитаться в ткань. Он тщательно свернул бутылку и отправил ее ту-

да же куда и камень.

Внезапная мысль пронзила мозг убийцы. Где-то тут валялся нож его жертвы. Он не мог оставлять лишние улики. Убийца прошел к дереву куда кинул врага. Похоже, ему и не придется. Луч фонаря быстро выхватил блестящее лезвие стилета, который тут же отправился в карман к убийце. Все, никаких следов.

Он вновь вернулся к костру и поддал огоньку. Ветошь вспыхнула. Конечно, от обуви останутся задники, а от кошелька металлическая молния, но все это мелочи.

Полюбовавшись огнем, он тяжело вздохнул и перекинул ремень через плечо. Да, жертва была тощей, но килограммов шестьдесят в нем все же было, а тащить не так уж близко.

– Вот же сука! – сдавленно проворчал он под нос. – Трудно было закладку поближе сделать!

Путь был не так уж близок для такого груза, но не смотря на свою комплекцию, парень был молод и чертовски силен.

В паре километров его ждало место, где он уже был сегодня. Это также был глухой лес, но по другую сторону от оформившейся тропы. И поляна была на порядок больше. И сейчас на ее краю лежала большая куча мокрой земли. А рядом была яма. Она не выглядела так зловеще – все же по форме и размерам человеческому телу она мало соответствовала. Но сейчас при нем было компактное тело, как раз для такой ямы.

Мешок отправился на дно глубокой ямы, и он взялся

за замызанную лопату рядом с кучей земли. Всего через десять минут лопата улетела подальше в кусты, а следы невинного развлечения были навсегда сокрыты. Навсегда ли? Он не был уверен в своей осторожности. Все его знание базировалось на сериалах и не систематизированном знании естественных наук. Но пока этого было достаточно, чтобы его даже не заметили.

Он притоптал выпуклость, так что вообще и не скажешь так сразу, что тут что-то спрятано. Можно идти. Еще километров пять... И тьма расступается! Вот они снова – огни большого города.

Убийца вдохнул московский воздух. Лесной конечно свежий, но он – дитя асфальта. Пусть и не самое обычное. Дитя асфальта стянуло с кроссовок носки (со слоем ваты под ними) и отправило их в ближайшую мусорку.

И все же Москва не спит. Никогда. Даже сейчас движение было оживленным. Идеальный город, чтобы спрятаться в толпе. Можно убивать годами, десятилетиями! Осталось проверить эту теорию... Пока недостаточно данных, чтобы утверждать что-либо о компетентности московских полицейских.

Он дошел пешком до ближайшего бара. Огляделся: камера над входом – лицо вниз, внутри наблюдения нет. За волшебные пять сотен благодарности (из сожженного кошелька жертвы), бармен без проблем вызвал ему машину. Водитель Соляриса всю дорогу вертел настройки радио.

*Засыпай, мой Похиоки. Не надо слов.
Мой звездолёт в тысячу узлов.
Чтобы достать до других миров,
Не нужен повод.
Засыпай, мой Похиоки. Я буду ждать.
Я буду верить, во снах летать,
еле касаясь ногами крыши.
Мой вечный город.*

Доехали быстрее, чем он ожидал. Его уже рубило в сон. Большая многоэтажка, одна из многих квартир в бетонном муравейнике, легко затеряться.

Зайдя внутрь, он сразу же запер дверь на все имеющиеся замки и скинул куртку. Кругом была... откровенно говоря роскошь. Большая квартира, дорогая итальянская мебель, куча электроники, идеальная чистота и порядок, дизайнерские светильники...

Бутылка и кредитки отправились в мусор, а вот с остальным такой номер не пройдет. Нож и ножны от него были тщательно промыты с мылом, и оставлены сушиться. Телефон он положил в отдельный ящик – тут лежала нерабочая техника: старые мыши, клавиатуры, планшеты. И завтра он отнесет их на другой конец города в специальную компанию, утилизирующую электронику. Они разберут и уничтожат все, что связывает этот телефон с его владельцем, а значит и с его убийцей.

На кухонном столе была записка.

Максим, разбери посудомойку и составь ее заново.

– Купи хлеб

– Пропылесось в комнате у себя и у Марины

– Завтра забери из химчистки мое платье.

Пыталась дозвониться тебе, но ты оставил телефон дома. Не делай так! С любовью, мама

P.S. – в холодильнике лазанья, ешь пожалуйста в меру, а то тебе опять будет плохо!

Максим прочел, и решил, что раз мама с сестрой в загородном доме на все выходные, то он вполне может сделать это все утром, а сейчас...

Максим откинулся на подушку и натянул одеяло. Часы показывали четыре утра. Сейчас, когда черная злобная гарпия внутри сыто улеглась, он наконец снова мог спокойно уснуть. Не тревожимый кошмарами и позывами тоски. Максим впервые за то время, что планировал это убийство, полноценно погрузился в сон.

И впервые за годы, ему садился не кошмарный сон. Ни пауков, ни падений с высоты, ни замкнутых пространств. Нормальный сон, не вызывающий желание проснуться.

Ему снился какой-то серпантин. Вечное петляние, скорость и постоянные повороты, за каждым из которых ждало приключение. Каждый раз одно и то же, если приглядеться, но какая к черту разница? Смысл ведь не в том как и куда

ТЫ ЕДЕШЬ, А В ТОМ, ЧТО ТЫ ЕДЕШЬ.

Глава 2 – Привет, нам надо поговорить о Монике

Игрушечное оружие валялось вместе с детскими фотоальбомами, конвертиками с прядками волос, прочей сентиментальной ерундой. До того дня, когда Максим впервые почувствовал присутствие в мире Тьмы.

Тогда деревянный кинжал будто позвал его. И обернулся подлинным оружием, беспощадным, безжалостным, непобедимым.

Сергей Лукьяненко «Дневной Дозор»

Было уже больше двенадцати дня. На телефоне высветились два пропущенных от матери, но, посмотрев на них, довольный донельзя Максим решил, что не готов.

Время для утренних ритуалов. Ну, или уже дневных. Макс отправился в душ, где провел не меньше получаса. Затем открыл холодильник, разогрел и съел всю лазанью. Да, пожалуй и впрямь многовато.

Макс поглядел на пустое блюдо. Он любил, действительно любил поесть, и любовь эта отнюдь не была здоровой. Лишний вес у него не был катастрофическим, но был действительно лишним. И имея на руках еду, остановиться он просто не мог. Так же как и сейчас, ел, пока не кончится, даже если начинало тошнить. Но теперь это было не инстинктив-

ное поглощение, нет. Теперь это был процесс, теперь Максим искренне получал от него удовольствие. Вкус кофе, запах корицы, покрытое сыром тесто лазаньи теперь имели характеристики.

Попивая кофе, Максим продолжал разбираться с вещами жертвы. Всю технику он уже скинул в пакет, с которым и собрался в пункт приема. Мусорный мешок он вынесет когда пойдет на улицу. Но оставалась травка. Максим извлек крошечное количество субстанции на кончике ножа и внимательно его изучил. То, что он вначале принял за хэш, оказалось просто слишком мелко измельченными листьями конопли со слабо выраженными прожилками.

– Тьфу, блин! – попробовав субстанцию на вкус, Максим разочарованно сплюнул. Сорт, скажем так, не первый. В принципе логично, как еще бы этот козлина мог себе такое позволить. Но даже такого качества трава в этом количестве была отличным уловом. Такой брикет вполне мог стоить и тридцать тысяч, и даже сорок, если продавать самому по дозам, без посредников. А пока, надо заныкать...

Он осторожно встал на стул и очутился под потолком. Самая верхняя книжная полка. Книга должна выглядеть как нечто, что долго не трогали – плохо доступная полка была на взгляд Максима неплохим решением. Рука Макса потянулась к ее части, занятой одной из его любимых серий.

Еще в детстве серийные убийцы были одним из тех его интересов, что заставляли бы бабушек хвататься за сердце,

а родителей шептаться о необходимости посещения психолога. Но тут Максу повезло – когда он проявил активный интерес к маньякам, родители были слишком заняты разводом, так что он запоем читал красочные описания убийств и расчленения.

Можно было бы сказать, что это книги и фильмы повлияли на детскую психику. Наверняка, кто-то Максусу так и говорил, но он знал правду. Ярость и ненависть были в нем всегда. Просто, он злился и ненавидел.

Его интересовала одна конкретная книга из серии. Он посчитал это символичным. С синей обложки из под большой надписи «Ганнибал: восхождение» на него смотрел жуткий красный глаз.

Макс деловито уселся за стол. Нет, он не собирался предаваться чтению. В книге, которую он открыл все страницы были плотно склеены в единую массу, а их середина с небольшим отступом от края была напрочь вырезана. В импровизированной шкатулке лежали трофеи Максима: три перетянутые белой шелковой ниткой пряди волос (каштановая, мышино-русая и окрашенная в зеленый) и простенькое кольцо из белого металла с гравировкой в виде каких-то символов.

Максим по очереди брал своих приятелей в руки и предавался воспоминаниям. Они не нуждались в именной бирке, он помнил их всех. Владелец кольца был байкером: бил и насиловал жену на десять лет его моложе. Он постоянно закатывал скандалы и поднимал на нее руку даже на улице.

А на улице он бывал в основном со своим байком на Воробьевых, где проходил маршрут Макса. Он портил ему настроение и в конце концов вынужденно переехал в шкапулку, избавив жену от своего присутствия. Интересно, как она там?

Русая прядь – женщины под сорок. Злобное создание: при разводе убедила свою четырехлетнюю дочь, а затем и суд в том, что отец лапал ее. Максим на протяжении всей слежки за ней готов был сорваться и убить ее посреди улицы, но сдержался, и вздохнул свободно, сделав все правильно.

Держать их дома было риском, но он был готов пойти на это, ради того, чтобы иметь своих старых друзей под рукой в любой момент.

Поглядев на часы, Максим понял, что пока он предавался воспоминаниям, прошел уже час. Тяжко вздохнув, он уместил большую порцию марихуаны (не лучший трофей) в книгу и захлопнул ее.

Обычно он предпочитал брать волосы, но вчерашняя жертва их не носила (как и байкер), так что сойдет и это.

Надо было идти. Он съел, невзирая на сытость, еще несколько бутербродов, снова надел свою вечную джинсовку и вышел из квартиры с пакетами.

Ему было хорошо. День был теплый, но не жаркий, народу в метро было не шибко много, да и просто снова проявился вкус к жизни.

Все шло более чем легко. Теперь он больше не проез-

жал остановки, не путал указатели на переходах и направления на улице. Мог даже спросить дорогу у прохожих, хотя и не любил это. Он успешно сдал технику, вежливо пообщался с парнем его же возраста на точке, повторил смертельный для него номер, купив чипсов в магазине. Он забрал материнские вещи из химчистки, купил хлеб и ехал обратно к дому. Все было хорошо. Откинувшись в кресле освещенного солнцем поезда Макс надел наушники и включил музыку, забывая об об окружающем мире.

*Какой чудесный день
Моя струится лень
На грани просветления
Сияет шамбала
И нежится душа
В нирване просветления*

Максим вышел из вагона и повернул голову. Там, наверху, был его любимый вид Москвы. Неизменные небоскребы: стекло, металл, свет. Государство в государстве... в государстве. Что ночью, что днем, огни сияли, и не важно какая тьма царила вокруг, небоскребы сияли, и все смотрели на них, но Максиму нравился взгляд именно отсюда. Они хорошо смотрелись снизу, особенно на фоне убогих деревьцев и уродливых стен станции.

Вбежав в квартиру, он тут же принялся за уборку.

Конечно, они опоздали. И хорошо так опоздали. Но это

определенно к лучшему. Макс открыл дверь. За порогом стояли тощий парень в поношенной толстовке «Порнофильмов» на пару сантиметров выше рослого Максима и миниатюрная девушка в белой рубашке.

– Йоу! – угрюмо поприветствовал Макс, пожимая руку Грише.

– Привет, – голос Моники вызвал у тени Макса какой-то отклик.

– Привет, – голос Макса потеплел. Он ответил на объятие Моники. Неловко, но так захватывающе обнимать эту девушку...

Макс был параноиком. Кто бы еще договаривался со старыми знакомыми о путешествии, очищая историю сообщений каждые двенадцать часов? Но это была не только паранойя, это был здравый смысл. Обычный здравый смысл серийного убийцы.

Все прошли в зал и уселись на диван. Макс примостился с самого края, а Гриша на середине, и обнял Монику, поджавшую колени. Макс ощутил очередной порыв тени, невольно залюбовавшись девушкой. Она была действительно красива, с телом по всем канонам модных журналов девяностых и милостивым личиком. Низкая и стройная. И с пустым взглядом.

– У тебя долго свободно? – заговорил Гриша.

– До позднего вечера воскресенья. Родственники на даче.

– Отлично. А что...

– Я готов сорваться хоть через час – собрать вещи и в путь. Да даже так можно, уже же все что надо сгребли в фургон, остальное так можно... – ответил Макс.

– Ника в принципе тоже. Только мне надо еще кучу дел решить по документам и сессию досрочно закрыть. А тебе на машину у Леси надо доверенность забрать! Ты между прочим месяц назад сказал что заберешь, а потом пропал надолго.

– Кто бы говорил. Если безответственность и порок, то уж ты – Максим сделал на этом слове акцент, – меня в нем упрекать не имеешь права.

– До-ку-мен-ты! – произнес Гриша по слогам, возвращая Максима к причине разговора.

– Да-да... Я заберу их завтра. Лучше о Нике поговорим.

– Я... – Гриша странно посмотрел на напрягшуюся девушку.

– Мама – ну конечно, кто же еще – она совсем спятила. Вчера она... – Ника слегка замялась, поправляя волосы – Позавчера я задержалась у Гриши. И пришла поздно. Ничего такого, просто пол одиннадцатого. А она...

– Да я вижу, – Макс угрюмо указал Нике пальцем на щеку – ну и к как это вышло?

Моника немного смущенно провела пальцами по груди Гриши, где на толстовке осталось заметное количество тональника.

– Она кричала. Громко, противно... – Ника опустила

взгляд. Ну а кто сомневался, что воспоминание неприятное? – Я злилась. Очень сильно. Ну... не сильнее чем обычно. – Она на мгновение наигранно улыбнулась, затем снова спрятала глаза. – Она сказала... ух, много всего сказала. Что я совсем обленилась (обленилась, Карл! я! да я как гребаная Золушка у нее живу), что я подставила ее, потому что к ней пришли гости, а у нее «жуткий срach». Жуткий срach! У нее не был пропылесосен ковер в зале. А то, что я утром все полы перемыла – это так, само! – Ника говорила повышенным тоном. – Я ей ответила, что мол, сама большую часть времени дома сидишь, а убираюсь я одна...

Повисла короткая пауза.

– А она?

– А она мной подтерлась! Снова! – Ника сорвалась на крик. – Орала, что я уже взрослая баба, а толку от меня как от козла молока. Ну, мать мою, простите, это не я сделала все, чтобы запороть подачу документов в художку!

– В той ситуации вина исключительно ее. – Перебил Максим. Он принял волевою позу: прямая спина, расправленные плечи, руки в замочке. Даже живот втянул. – Но все же как она поставила тебе фингал? Я думал вы этот этап проехали давно.

– Ага, – Ника презрительно фыркнула – когда я научилась давать сдачи! Она продолжила... Ух, сколько всего о себе узнала! И что на шее у нее сию все восемнадцать лет, и что бестолочь я! А потом она еще и расписала всю цепочку пре-

вращений: как я из-за позднего возвращения скончаюсь в канаве от передоза, а мой труп изнасилуют спидозные бомжи!

– Надеюсь это преувеличение, – Максим поморщился.

– Почти нет! – Моника снова кричала, размахивая руками. Гриша попытался что-то сказать, но Максим остановил его жестом.

– Продолжай.

Максим возбужденно ерзал на месте.

– Ну и?

– Хуи! Врезала она мне.

– А ты? – он догадывался о продолжении истории.

– А я ударила в ответ. – Ника окончательно сжалась в эмбриональной позе, пряча лицо. – А потом бросилась на нее. Она ударила меня пару раз в ответ. По ногам пнула, а у нее очень твердые и тяжелые туфли...

– Во истину. – Гриша таки вклинился. Ну и пусть. Максим был спокоен. – У нее на бедрах два здоровенных синяка. Почти черные! Утром сегодня вставать было больно, потом рассосалось как-то...

– А я понимаю – Макс кивнул каким-то своим мыслям.

– Да, – Моника кивнула – только... как-то легко игнорировать было. Как будто... ну тело и тело, ну боль и боль.

– Понятно, – Максим тяжело вздохнул – и потом ты просто ушла.

– Убежала. – Ника снова подняла взгляд. – Она не хотела меня отпускать. Очень. Не пускала в мою комнату за веща-

ми, сказала полицию вызовет. Я сказала, что я совершенно-летняя и полиция не может запретить мне покидать квартиру. Она взбесилась... – Голос Моники зазвучал странно. Какая-то смесь горечи и ликования. – Она перекрыла мне вход в комнату, чтобы я не взяла вещи, а я... Я ушла в чем была...

– Но перед этим? – Макс знал, что все не просто так.

– Может хватит! – Гриша нахмурился – Я в этом вопросе доверяю тебе, но по-моему ты ее только бредишь лишний раз.

– Все в порядке, – Моника провела ладонью Грише по волосам. Максим невольно снова залюбовался ею: какая тонкая, хрупкая с виду рука... – Я... шла к тому, чтобы убить ее.

– Как это было? – Максиму действительно было интересно: родственны ли их безумия? Чего она хочет, чего боится?

– Я представила... – щеки Ники смешно покраснели. – Я очень живо представила как я сниму с шеи наушники и задущу ее. Нет, я не просто представила. Я решила. Я не просто была готова, я именно решила! – в голосе Ники звучала гордость. Казалось бы неуместная, но Максим эту гордость прекрасно понимал.

– А почему остановилась? – Максим теперь смотрел уже только на Гришу.

– Папу увидела. – Ника чуть ли не сплюнула. – Увидела, что он смотрит и как-то настрой пропал. Будто я меченосец в аквариуме. – Гриша конечно ничего не понял, но Максим слышал. Он отлично слышал в голосе Моники неприкрытое

разочарование в себе.

– И на этом все?

– Да, прыгнула в кроссы и на улицу.

Максим снова откинулся, схватившись за голову. Мда. Это плохо? Это хорошо?

– Все плохо, Ник.

– Невероятно! – фыркнул Гриша.

– Нет, я имею в виду... Тебе правда плохо, Ник. Тебе бы не следовало находиться в этой среде... Ты! – Максим переключился на Гришу – Ты, черт возьми, должен был забрать ее из этого звездаца, съехаться с ней в какой-нибудь съемной комнатухе в жопе мира, клянчить деньги у родителей и портить себе нервы!

– Что прости?! – Гриша отстранился от Ники и придвинулся к Максиму.

– У всех есть тараканы в голове, – Макс снова принял комфортную позу – Ей бы покой. Ни один психиатр, как минимум не поспорит, что покой не повредит.

– Покой нам только снится!

– И все же. – Макс пресек попытки Гриши отшутиться. – Все очень плохо. Такие желания... – Максим попытался прокашляться – Не просто так появляются. И от стресса...

– Предположим я тебя понял, – задумчиво протянул Гриша.

– Я поняла, – тихо ответила Ника – не лучшие слова, но я тебя поняла.

– Короче. Надо развеяться.

– А под развеяться ты имеешь в виду кровь на стенах, кишки на люстре и отрубленные головы вместо кукол-носков? – Гриша сжато ухмыльнулся.

– Меня однозначно радует ход твоих мыслей, потому что это я имею ввиду тоже. Но не только. В принципе, новый опыт, расслабленная обстановка, здоровая атмосфера, вот это вот все.

– Ох... Занесла меня с вами, психопатами, нелегкая... – шуточно посетовал Гриша.

«А если я уговорю их заночевать? А утром угощу их завтраком? Ника не пьет кофе, значит ничего подозрительного – яд в чашку и через пару дней этому подпевале конец» – в который раз всерьез задумался Максим.

– Макс? Макс! – несколько раз окликнула его Ника.

– А? Да, конечно, что? – немного рассеянно ответил Максим.

– Ты на что-то злишься? Мы тебе мешаем?

А глаза-то какие пронизательные. И бровки домиком, и спину выгнула, чтобы женственнее и беззащитнее казаться.

– Нет, нет, я просто... Лицо у меня такое! – лучшая защита нападение – Все в порядке, не каждая моя мимическая реакция гнев.

А ведь чует. Гриша внимательный и далеко не глупый парень. Но именно Моника считала его намерение убить Гри-

шу. Не поняла что это, но уловила. Просто чувствует и все тут. Надо быть осторожней.

«Нет уж, живи пока. Без тебя Ника совсем зачахнет. Моя бы воля – гнить тебе в земле, но если ей так нужен „защитник“, я не вправе выбирать его за нее».

– Подводя итоги? – спросил Гриша с деловым видом. А может он и не худший вариант. Хоть не бездельник и не совсем бесполезен.

– Надо выдвигаться. Чем скорее тем лучше. Но теперь... – Максим сложил кончики пальцев в жест великого комбинатора – Ник, ты надо полагать, живешь сейчас у Гриши и другого места у тебя на время сборов нет?

– Неа. – Ника подтвердила опасения Максима.

– Ясно.

«Опять это проклятое ясно!»

– А нам нравится, – Гриша гипертрофированно пошло подмигнул Монике.

– Тебе таким подмигиванием веко череп вдвое сложит, – фыркнул Максим.

– Не сложит, там кость насквозь! – Ника наконец непридуманно рассмеялась.

– Ты лучши мне еще кое что скажи.

– Да? – Ника снова собралась. Максим чувствовал некоторое лидерство, что не могло ему не льстить.

– Документы.

– У меня есть мой паспорт, но свидетельство о рождении

и заграник остались у меня дома, – ответила Моника.

– Это может быть проблемой. – Макс нахмурился. – Имеет смысл вернуться за ними.

– Шутишь что ли?! Да нет! Ну неееет!

«Нет, она само совершенство: даже хнычет мило.»

– Они могут тебе потребоваться и их восстановление отдельная тема, которая вряд ли стоит...

– Да я телефон нахрен вырубил! Я ее видеть больше не хочу. Ни-ко-гда! Это просто... я не знаю... – она неожиданно резко сбавила громкость голоса.

– Я тебя понял. – Гриша мог заметить как они обменялись взглядом, будто в этот момент договорились о чем-то не говорить ему, но он уже привык.

– Но все же придется. Вот этот молодой человек – Максим сделал выразительный жест в сторону Гриши – с радостью – легкий нажим – сопровождает тебя... или лучше пусть идет вообще один. Да! Гриша, торжественно поручаю тебе выбраться живым из змеиного логова с добычей! – сатирический пафос прикрывает реальные ухабы на этом пути.

– К ее матери... – Гриша скривился.

– Да, к ее матери – насмешливо кивнул Максим.

– Это даже не змеиное гнездо, – Максим с Никой снова засмеялись – это уже узилище некроманта, чтоб его!

– Да ладно тебе. Ты справишься.

– Кто бы говорил! Ты что там про мать Леси рассказывал?

– Что она при первой нашей встрече разбила мне щеку.

И это правда, потому что...

– Потому что кольца, – хихикнула Моника.

– Да! И потому что она конченная неадекватка с целым набором гиперопечных триггеров.

– Ну, может и не без этого... – издевательски развел руками Гриша. – Но да в жопу.

Гриша определенно хотел еще что-то сказать, но Моника, что было для нее совсем не характерно, виртуозно вклинилась в паузу.

– Скажи пожалуйста... Не знаю, раз уж мы это обсуждаем в этом кругу, то как у тебя в плане «кишок на люстре»? – На мгновение повисло молчание.

Не годится. Так и Гришу спугнуть можно, а он (как бы ни хотелось отрицать) им нужен.

– Ну, – Максим все же не смог не выдать гордость за свои «успехи» – недавно отсчитал пятого. – Он исподлобья покосился на Гришу. Тот... О боже, нет! Гриша выглядел искренне заинтересованным!

– Уже пять... Когда спрашивала в последний раз, было два... – меланхолично отозвалась Моника.

– Пятый, – Максим самодовольно расправил плечи – наркоша, мудака по жизни, возможно мелкий вор и совершенно точно насильник, как минимум дважды. На него были заявления, но ходу им не дали. Ох и долго все же я за ним следил...

– Молодец, одним мудаком меньше, осталось восемь мил-

лиардов, – скептически высказался Гриша.

– На земле меньше...

– Ну скоро будет, – отмахнулся тот.

– Как это было? – Моника не скрывала своей заинтересованности. – Были проблемы? Что с телом сделал?

– Не наседай. – Максим гордился, действительно гордился своими убийствами, но рассказывать такие детали... как про анальный секс с бабушкой говорить. – От тела избавился, гниет глубоко в лесу под землей. Остальное – тонкости.

– Ну пожалуйста, – снова начал Гриша – убил ты насильника, так их миллионы, если не миллиарды...

– Ой, не надо! Про статистику я не меньше тебя знаю! – отмахнулся Максим – Я не обманываюсь: я не герой, и у меня нет великого замысла крестового похода против мудаков, нет. Я сам тот еще мудила! – Максим неожиданно оживленно подскочил и начал ходить кругами по залу. – Я ведь сам убийца и конченный садист! Я мудака не только с жертвами, но и в быту! Я эгоистичен, самовлюблен, самоуверен, да и попросту почти что лишен сострадания! Типичный портрет психопата!

– Это мы знаем, – Гриша улыбался – Но ты, как мне кажется, ведешь к чему-то.

– Веду я к тому, сударь, – Макс так же внезапно остыл и вернулся на свое место – что я не обманываю ни себя, ни вас. Я убиваю ради себя любимого, не более. Никакой великой миссии, никаких трех серий против коммунизма, наци-

онализма и чумы.

– Если бы убежденность выражалось в сантиметрах, тебе бы позавидовал слон! – Гриша возвел глаза к потолку

– Что правда то правда, – Максим почесал затылок – но неужели я не прав.

– Ну... – Гриша злорадно потер ладони.

– Прежде чем начнешь меня воспитывать, я неожиданно отвлеку тебя пакетом марихуаны. От моего знакомого.

– Сколько? – Гриша по-деловому собрался.

Макс не в первый раз сбывал ему награбленное с «знакомых», как он их называл. А награбленное всегда бывало.

– Тысяч на сорок. Сорт не первый, но, тысяч на сорок.

– Ооо! – настроение Гриши поднялось до небес. – Живем и очень даже!

– Как скоро продашь?

– Пройдусь по однокурсникам послезавтра, скорее всего тогда же распродам всю партию.

– Отлично. Заберешь сейчас?

– Да, только...

– Да мы уже проходили это, – отрезал Макс. – Можешь мою долю постепенно отдавать, как сбудешь.

– Твою долю, твою долю... – проворчал Гриша – Восемьдесят процентов твоя доля! Живешь как королева Британии, не жадничай!

– Как принц, – поправил Максим – это все – он обвел рукой окружавшую их роскошь – не мое. Я тут на птичьих пра-

вах, и Ктулху мне свидетель, я принимаю от матери деньги не без усилия над собой.

– Мажор...

– Ты – продавец, я – добытчик. И большая доля моя.

– Ах ты мой добытчик! – Гриша, шутливо изобразив гейский голосок, взлохматил Максиму волосы.

– Руки убери! – а ведь еще вчера он бы ему их сломал.

Выпускать гнев полезно.

Максим скрылся в комнату, а Гриша остался наедине с девушкой и предпринял попытку ее поцеловать, однако наткнулся лишь на скупающее лицо. Нику совсем не интересовали ни наркотики, ни деньги.

– Ты чего?

– Да что-то... – она показала ему язык. – Когда уже поедем, а?

– Пфф... Ты все слышала про доверенность. Но теперь еще мне надо травку сбыть.

Снова скука на лице.

– Держи. – Максим протянул «деловому партнеру» брикет. Тот вдумчиво потряс его в руке.

– Да... Нормально...

– Макс? – робко спросила Моника.

– М?

– Скажи, если тебе все равно убиваешь ты мудаков или простых людей... Почему ты нацелился только на мудаков? – Максим вздохнул. Да, она задает правильные вопросы.

– Ну что тебе сказать... – Максим призадумался – Тут же ведь дело не просто в том чтобы убить. Вернее нет, не так. Тут дело в гневе, в ярости, в обиде... На мудаков злиться легче, а главное... А главное так интересней!

– Но разве у тебя нет какого-то... Не знаю, переноса на себя? Ты же тоже мудака. – Максим хитро прищурился.

– А у тебя есть?

– М... Нет. – Ника потупила глаза.

Ну прямо анимешная девочка. Сердце Максима снова сжалось.

– Вот и у меня нет. Так банально интересней. А мудаков, и даже мудаков, скажем так, высокого ранга, вокруг много, так что...

– Так что пойдём ка начнём готовить, – Гриша очнулся от изучения брикета травы.

Они направились на кухню, где их ждало долгое и тупиковое приключение: сделать правильную корейскую лапшу. Конечно организовывал всех Максим, Моника как меньшая белоручка делала большую часть работы, а Гриша вообще непонятно зачем там находился.

Макс начал доставать продукты, когда Гриша включил с телефона музыку. Он начал пританцовывать, шутовливо изображая пение в караоке.

*Мама, папа, я дружу
Только с идиотами.*

*Они ищут смысл жизни
Ночью под кислотами.
Я имел в виду кислые конфетки.
Против наркоты,
Эти малолетки
Расскажут про депрессию,
Как сдать на тройки сессию,
Как жизнь свою
Прикольно спустить в унитаз,*

Ника легко расплылась в улыбке и легком смехе. Максим тоже улыбался. В сущности, это не самая плохая компания. Гриша Моника с Максом принялись за приготовление продуктов. Максим задумался на секунду, что ему не помешал бы фотоаппарат, чтобы сфотографировать нож в руках Ники. Блеск...

Но он тут же вернулся в реальность и отвлекся от шепота тени на дружеский угар и тупые шутки. Гриша Ходил туда-сюда и комментировал все, что делали Моника с Максом, и все это перемешивалось в повседневную вакханалию.

Такой танец вечных детей, с катастрофическими последствиями для окружения. «Но да то ли еще будет!» – думал Макс, высыпая Грише за шиворот замороженных креветок.

Где-то на кухне Ника мешала на сковороде «правильную» смесь добавок к лапше, а Максим с Гришей ушли в другую комнату: Макс собирался похвастаться какой-то своей новой нелегальной плантацией.

На балконе у Макса был полноценный сад: куча ящиков с землей, а из них по пояс возвышались зеленые сочные растения.

– Вот, смотри, это Сальвия Дивинорум, он же шалфей предсказателей. Еще в нулевых был легален, но законодательство меняется постоянно. Я смог купить совсем немного семян, так что пришлось импровизировать. Вон там – он указал на ящики, где только пробивались короткие ростки – я смог размножить кусочки меристем от основных растений, но пока они слабые.

– Блин, Макс, – Гриша приложил руку к лицу – ты же совсем неглупый парень. Ну почему ты не в универе?!

– Да... – Максим замялся – Ну не захотелось мне. Категорически. К тому же, я занимаюсь саморазвитием.

– И все же ты на тюнингованной коленке делаешь у себя на балконе клонирование.

– Это преувеличение. И мне пришлось повозиться. Я не шибко напичкан знаниями, просто умею разбираться в информации.

– В современном мире это и есть ценный навык. – С жаром воскликнул Гриша. – А с твоим мозгом...

– Так, все! – Макс неожиданно резко, с металлом в голосе прервал Гришу. – Ты мне не мамочка, так что заканчивай с этим дерьмом.

– Ладно, остынь, – Гриша понял, что накалять обстановку не стоит.

– Вот тут – Максим обвел руками часть ящиков – растения в самом соку. Их надо срезать и просушить с расчетом на курение в трубке.

– А жевать можно?

– Можно, только не так компактно и плохо хранятся свежие.

– А может прямо сейчас закинемся? – предложил Гриша.

Макс посмотрел на него – простите за каламбур – убийственным взглядом.

– Ты вообще осознаешь, что вокруг тебя происходит?

– Ну... – Гриша замялся, не понимая что сейчас сделал не так, – да, а что случилось?

– Моника! – голос Максима повысился. Незаметно для него самого, он пришел в ярость. – Я даже представить не... Ой, а знаешь что: давай начистоту.

Максим отложил в сторону секатор, затем заглянул в комнату, чтобы убедиться, что Ника их не слышит.

– Ты чего?

– Слушай, – Максим расправил плечи – Ты неплохой парень. Как бы я ни хотел тебя ненавидеть, но ты: веселый, зрелый, образованный, возможно, даже умный, чем Ктулху не шутит.

– Ну... спасибо?

– Но! В некоторых вопросах ты умудряешься вести себя ну просто до смешного неправильно! Надеюсь, на это, потому что если ты понимаешь что творишь и все равно делаешь,

мне придется идти с тобой на конфронтацию.

– О чем ты, черт побери... – Гриша не понимающе смотрел на Макса.

– Я о том, как ты упорно не понимаешь что не так с Никой.

– Эй! Это ты убийца-психопат! – Гриша поднял руки в оправдательном жесте.

– Да! – Максим сорвался на крик, благо что звукоизоляция хорошая. – Да, это я убийца-психопат, это я ее понимаю, не ты! И поверь: я бы с удовольствием просто убил тебя. Вот так просто – из ревности. Знаешь сколько проблем это мне решило бы?

– Ты мне угрожаешь? – Гриша мог показаться уверенным, но только на первый взгляд. Он не был напуган, нет. Глаза бегали. Он явно предпочел бы прервать разговор.

– О, хохо! – Максим невесело усмехнулся – Нет, я оговариваю условия. Моника не любит... чего уж там, Моника боится наркотиков...

– Ага, боится, – отведя взгляд проворчал Гриша – зато выпустить кишки собственной собаке...

– Не перебивай! – Макс с силой ударил по стене, так что Гриша вздрогнул – Да, она боится! Но ты же не просто так с ней?

– Прошу прощения?

– Я ее знаю, она бы учуяла, желей ты от нее просто секса. Но нет. Ты действительно желаешь помочь ей, прости, Ктулху, любишь ее. Только вот...

– Да ну что?!

– Ты параллельно пытаешься помочь себе. Ничего против не имею, пока это не вредит ей. Но я тебя предупреждаю. – голос Максима выровнялся, и он стал поистине жутким. Тень внутри него расправила крылья. – Я тебя предупреждаю: если ты решишь спасовать, если вдруг ты продолжишь давить на нее в угоду себе, пусть даже скрыто, если ты хоть раз спасуешь, когда будешь ей нужен... Ты перестанешь быть полезен.

Максим смотрел Грише прямо в глаза. И пусть тот не мог бы сам увидеть демонов в его глазах, но Максим их показывал.

– Вот теперь я тебе угрожаю. А сейчас мы вернемся туда, мирно посидим, поедим, возможно обсудим маршрут поездки или сыграем в монополию. А ты будешь делать все, чтобы помочь ей. И мне если не похер, то как минимум по колено: делаешь ты это по собственной воле или под моим давлением, хотя, думаю, что первое.

Максим говорил твердо, не допуская ни малейшего шанса себя оспорить, и что-то подсказывало, что Гриша все понял. Не просто испугался, а именно понял. Молчаливую вассальную клятву прервала сама Ника:

– Эй, пацаны, паца-не-то-чки! По-моему готово.

Глава 3 – Это мое болото

Вчера, когда он пригласил меня на свидание, я думала, что буквально умру от счастья! Я правда так думала! А теперь весь мир стал холодным, и серым, и бесчувственным, и мама придирается и требует, чтобы я убрала в своей комнате. Как она может ко мне цепляться, когда мне так плохо, что я готова умереть? Неужели меня нельзя оставить в покое?

Беатрис Спаркс «Дневник Алисы»

В троллейбусе было немногочленно, и это бесспорно не могло не радовать Максима. Сидя у окна, он перелистывал страницы не полюбившейся ему книги. Культурный бэкграунд все же нужно было поддерживать, так что в который раз Максим перечитывал описание локтей, силясь понять какого черта.

«Этот И. А. как и его персонажи, должно быть, совсем осел. Про всякие фетиши я слышал, но чтоб на локти... Да и вообще этому хикки только бы пялиться: что на локти, что в декольте. Интересно, он больше фетишист или вуайерист?» – размышлял он.

На нужной остановке, Макс углубился во дворы. Кругом были монотонные ряды старых уродливых девятиэтажек, разбитые подобия дворов, проржавевшие заборчики,

словом, доступное московское жильё.

Максим зашел в один из подъездов: такой же старый, грязный и необитаемый как и дворы. Скрипучий лифт, матюки на стенах.

– Ну привет. – Максим ввалился в квартиру, где его ждала девушка. Пухлая, низкая, с не самым женственным лицом, каре цвета индиго.

– Приветик! – закрыв дверь, девушка тепло обняла Макса, стоило тому снять куртку. Он в ответ примкнул к ее губам.

– Че как? Ты в норме?

Максим огляделся. В квартире было еще захламленней, чем обычно. Вокруг двери все было завалено мешками с мусором, а в глубине кухни Макс разглядел громадную гору немытой посуды.

– Плюс-минус.

– А ты?..

– Из квартиры не выходила уже пару недель. Не тебе упрекать меня в этом!

– Но все же так нельзя, блин, Лесь! – Макс всплеснул руками. – Ну мне тоже так хочется, но так только лечь и гнить.

– О господи! – Лесья глубоко вздохнула – Я в курсе. Но не говори мне какой быть!

– Да, да, конечно... Мусор на продукты папа меняет?

– Ага. Но сейчас уехал куда-то в Израиль к родственникам. Так что чередую суши с пиццей. – Лесья обнимала его, не отпуская.

– Оно и видно...

Макс с Лесей как всегда завалились на ее диван. Максим грубо вздохнул. Когда жажда убийства утолена, можно и попроще желания удовлетворить.

Он снова поцеловал Лесю. И целовал много и долго. Она была такая простая, уютная, теплая, домашняя... И мягкая.

В очередной раз пробив Лесе фаталити, Макс отложил джойстик и откинулся на спину. Они провели на диване целый день. Сбоку лежали использованные презервативы. Макс в этом видел иронию: он не оставляет ДНК, чтобы не породить новую жизнь, но и когда он отнимает жизнь, он делает все, чтобы не оставить ДНК. Вывод: иметь ДНК – зашквар.

По другую сторону дивана лежали полупустые коробки из под пиццы. Это был уже привычный ритуал: секс – еда – приставка – снова секс. В таком цикле они могли проводить и часы, и дни, и недели.

– Да иди в жопу! – Леся аналогично легла рядом с Максимом и ударила его в плечо – Так нечестно, жирный ты хуй!

– Я жирный хуй? – Макс сделал обиженное выражение лица. – Ты сама пизда жирная на ножках!

– Ну да! У меня пизда, поэтому я пиздатая, а у тебя хуй, поэтому ты хуевый!

Они расхохотались. Этот диалог тоже не был в новинку. Даже диалоги зациклились.

– Ой, иди в жопу! – Макс в ответ ткнул Лесю в плечо.

Макс отпихнул Лесю и перекинулся к коробкам с пищей.

– Дай мне с ананасами кусочек.

– А она кончилась, – с набитым ртом ответил Максим.

– Да ну в смысле!

– В кривом. Жрать надо меньше.

– Ой, кто бы говорил!

– Я говорю. – Доев пиццу, Максим придвинулся поближе к Лесе и, натянув одеяло, обнял ее.

– Ой, блиин! Я вчера... короче, кулстори! Вчера заходила ко мне Юня...

– О да, – Максим активно жестикулировал – она снова в Москве, а значит меня ждут лесбийские байки, давай.

– Короче мы...

– Трахались? – Максим прищурился, изображая ревность.

– В общем да. И короче, ха-ха! Она сидела у меня на лице и тут ей прилетает видеозвонок...

– Твою мать, хочешь сказать, она ответила?! – Макс сдавленно заржал в кулак.

– Спасибо и на том что только аудио. Но черт! Она реально одновременно по телефону говорила! Я думала я там сдохну со стыда.

– Ну да... это конечно...

– А у тебя Как дела? В смысле с тянками.

– Да... – протянул Максим.

– Да ладно тебе, – Леся снова чмокнула его в губы – Мы с тобой больше месяца не встречались, так что...

Перед Максимом пронеслись воспоминания: вот он следит за бритоголовым наркошей, вот взламывает его домашнюю сеть. А вот и сцена, где он ходит вокруг него кругами во тьме. Потом напряжение, кровь, и вот он уже замечает следы.

– Я был занят. Сильно. Плотный плавающий график.

– Слушай. Уже довольно поздно, – это была правда: за окном уже темнело – мне вообще у тебя нужно целую пачку документов на фургон забрать. И нам поскорее бы ехать.

– Они давно в прихожей в папке валяются, – Леся махнула рукой. – Езжайте уже скорее. Нам гараж освободить надо.

– До конца месяца точно уедем. И кстати об этом... мне немного неудобно фактически отбирать у тебя машину...

– Да все нормально. Мне она особо незачем. Вообще незачем.

– Уверена, что не хочешь с нами? Мы же всегда вместе тусили... – Макс неловко почесал затылок. – Мне как-то неловко тебя тут оставлять...

– Ох, Максим... – Леся оглядела комнату – Нет. Извини, но нет. Мне совсем не хочется...

– Выходить из комнаты, совершать ошибку? – голос Максима звучал с необычайно злой иронией.

– Да... Понимаешь...

– Понимаю! – резко отозвался Максим отстраняясь от Леси.

«Почему я зол? Что я вообще делаю, мне же лучше, если

она останется, она нам будет только мешать!» – пронеслась в его голове мысль.

– Не кричи на меня!

– Я не кричу, – Максим встал.

– Нет кричишь! – Леся говорила громко и с нескрываемой обидой.

– Да... – Макс запнулся. – Ты уже около месяца безвылазно тут сидишь! Счет времени потеряла! Ты размякла совсем, с любого резкого звука вьетнамские флэшбеки ловишь! Тебе вылезать надо!

– Да пошел ты! – на глазах у Леси выступили слезы.

Макс вскочил. Он был зол. В момент одевшись, он пулей выскочил на улицу. Про документы он, разумеется, напрочь забыл. И вспомнил только выйдя из дворов. Что делать? Вернуться? Нет, не сейчас.... Но когда-то же придется. И придется поскорее.

Что ему делать, Максим не имел ни малейшего представления. В каком-то странном неполноценном трансе он добежал до метро, за что не шибко атлетическое тело отнюдь не сказало спасибо. Ну и черт с ней с одышкой. Макс зашел в битком набитый вагон и встал, смотря в пустоту. Так Максим проехал почти до конца ветки, осознал, что проехал свою остановку, только когда в вагоне уже почти никого не осталось. Вздохнув, он вышел из поезда и направился назад. Надо было ехать домой. Скоро мать с Мариной должны были вернуться с дачи.

И, о чудо! он не ошибся. Почти. Когда Максим приехал домой, там уже всю хозяйничали эффектная красивая женщина за сорок и девушка... а может и девочка четырнадцати лет. Они активно бегали непонятно куда и откуда, таскали какие-то пакеты, что-то из них выкидывали и вечно перекладывали. Макс не понимал и не имел ни малейшего желания понимать какого черта они делают, у него с первых десяти секунд рябило в глазах, но атмосферу разоренного рая он уловил. Вот было же все хорошо, пока они не приехали...

– Привет. – Марина его попросту проигнорировала, а его мама выбежала навстречу с заведомым криком.

– Максим! Ну почему опять такой срач на кухне! Иди набери посудомойку и сложи в нее все что ты там оставил!

Злобный монстр внутри Макса сразу же поднял голову. Макс сделал непонимающее выражение лица; он наполнился гневом, в голове пронеслась ну очень фальшивая сцена, как он с порога бежит матери на встречу и в момент, когда она заговаривает, со всей силы бьет ее по лицу, да так, что тряпичной куклой отлетает к стене. Не впервой Максиму такие сцены придумывать. Фальшиво.

– Сейчас. И я не оставлял там срач. Просто пара тарелок.

– Нет не пара тарелок! – она не кричала, но была близка к этому, к тому же выражение лица ее... Оно показывали такую... ненависть. – Вся столешница засрана каким-то дерьмом, и на всей, кухне воняет какой-то рыбной тухлятиной! Немедленно убери это!

Максим сделал глубокий вдох. Захотелось куда-нибудь спрятаться. Только бы не видеть ее, только бы она не видела его.

– Да, сейчас.

– Угу. Будь так добр! – и ушла. Макс мысленно послал ей вслед вращающийся топор, а затем ушел на кухню.

Разборка посудомойки могла бы стать отличным рутинным занятием, чтобы отвлечься от свежего воспоминания, но Марина и сама мама продолжали сновать туда сюда по кухне и – о, проклятый Ктулху, – пялиться на него.

– И еще раковина! Посмотри! – она указала пальцем – Ты сюда что, какую-то жижу перечную сливал и не отмыть потом! И теперь это все гниет и воняет! – говорила она с ужасом.

– Да, хорошо, я уберу...

– Посмотри, я сказала! – вот теперь она ворвались на крик. Как же хочется скрыться с глаз долой. Вот была возможность сбежать или защититься. Максим с тяжким вздохом оторвался от стаканов.

– Да?

– Только когда на тебя рывкают что-то делаешь! Нормальную речь совсем не понимаешь?! – Ее окончательно понесло. Марина куда-то скрылась, мама орала и орала, а Максим продолжал стоять и стоять с покерфейсом. Просто не знал какую эмоцию выражать. Сценарий отработанный: он в любом случае не будет в выигрыше. – Я! Тебя! Спрашиваю! Со-

всем дурной?!

Макс продолжал молчать.

– Все, это бесполезно! – мама ушла с кухни. Макс представил как плавно стекает в какую-нибудь щель и проводит там следующие лет много.

Усилием воли он вывел себя из ступора и ускоренно продолжил разбирать посуду. Где-то на другом конце квартиры его мама все так же надрывно орала на Марину. Затем Максим наспех протер мокрой тряпкой столешницу и совсем уж невнятно сбрызнул водой раковину, после чего бегом скрылся в собственной комнате.

Дверь не заглушала криков, но хотя бы создавала иллюзию отгороженности. Макс облокотился о стену и уткнулся лицом в угол и пару раз стукнул головой о стену. Отняв оттуда голову, он увидел на стене мелкие бледные пятна. О, он помнил о них. На Максима нахлынули воспоминания.

Неважно мама или Папа сидит с ним сегодня – итог один. Они снова бьются над прописями, над таблицей умножения, над каким-нибудь рисованием, пока он не ударится в слезы. Его не били, нет, во всяком случае не сильно и не регулярно. Достаточно и слов. Криков. Ругательств. В конечном итоге он оказывался в углу, в который надо было стоять лицом. И он плакал. До судорог. А соленые слезы размазывались по стене, так что у него на лице оставались пятна побелки. И так холодно было...

Максим задрожал от воспоминаний. Он больше этого

не позволит. Он не будет плакать, нет. Он большой, он сильный, он разобрался в себе и знает как спустить пар. Крики за дверью продолжались.

Макс поправил волосы и плюхнулся за фешенебельный, хоть и засранный стол из темного дерева. Он открыл один из ящичков. Там под грудой всяких листочков лежал блокнот. Стилизованный под книгу, с толстой состаренной бумагой. Блокнот был исписан более чем на две трети. Все ярким изумрудным цветом. Максим выцепил из всей кучи хлама на столе свою «специальную дневниковую» ручку. Зеленая, потому что синий – цвет школьных записей, а школу он уже победил. Встряхнув рукой, Максим начал скрупулезно выводить буквы. Казалось, он пишет медленно и осторожно, но на деле лист заполнялся текстом довольно быстро.

Это просто пиздец! Я ненавижу ее, ненавижу их всех! Как же я ненавижу каждый взгляд, каждое подрагивание в ее голосе! Я мечтаю сбежать. Никакая жизнь в роскоши не стоит моего ментального здоровья. Как говорится, наши родители знают, где находятся наши рычаги давления, потому что они же их и устанавливали. Сисадминка хренова! Я силен как бык, я маскируюсь как хамелеон. Я способен на то, на что не способны многие, действительно многие – я способен отнять жизнь и забыть. Я сильнее и умнее нее, но черт побери! Она не даст мне покоя, а я веду, как бы хорошо я сам не умел это все делать. Мне нужно убежище.

Ну неужели я много прошу?! Я всего лишь хочу... черт, да запирайте меня в этой комнате, сделайте туалет с душем на балконе и подсовывайте под дверь продукты. Мне нужно съехать. Мне чертовски нужно съехать. Куда? Ну куда? Я просто размазня. Мне уже 19 и я не учусь и не работаю. Мне кажется я так и помру в этом проклятом послешкольном периоде, на этом проклятом «диване». Потому что я просто не могу что либо делать. Кто-нибудь, скиньте расписание.

Мама снова крикнула его имя, и письмо пришлось прервать. Максим подскочил, наспех закидывая дневник на место, но было уже поздно. Мама пинком распахнул дверь, та жалобно качнулась.

– Ну мне что тебе дверь с петель снять?! – ее бледное лицо покрылось уродливыми красными пятнами.

– Ты позвала, я не услышал, незачем делать из этого трагедию, я уже шел к тебе.

– Мне не нужно чтобы ты «уже шел»! – она тыкала в него пальцем на каждом слове. – Мне нужно, чтобы ты тогда шел, когда я тебя зову!

– Слушай, – Максим закипал все сильнее – мы уже это обсуждали. А то, что ты с Мариной не можешь нормально доехать с дачи до дома, – Максим предпринял попытку в нападение – не значит, что можно вот так вот на меня постоянно наезжать!

– Значит, нужно все еще раз обсудить! – мама просто про-

игнорировала его выпад. – Если ты не слышишь ничего!

– Что тебе надо? – Максим закатил глаза. Очевидно из уютного кокона придется выйти. И ходить меж этих криков, старательно делая непроницаемое лицо.

– Цветы полей. И еще: ты посмотрел как можно попасть на подготовительные занятия при университете, который ты выбрал?

Максим подвис. Он даже не притрагивался к этому

– Нет, не успел. Я забыл... – а вот честность – это лишнее. За ней последовал еще один взрыв.

– Не успел! – она снова залилась искрометной очередью претензий. – Да чем ты вообще занят был?! В первый раз не поступил, я тебя как какого-то двоечника от армии отмазывала, по врачам бегали, взятки давала!.. – скорострельные ядовитые плевки надо было как-то остановить, пока она еще больше не распалилась.

– Да я не то что просто не смотрел... – Максим начал врать на инстинктах. – Там просто надо звонить по телефону. Я не нашел информации на сайте и решил позвонить. А звонки они только в какое-то там время принимают...

– В какое? – отпор может помочь. Она все еще была зла, но уже не кричала.

– С девяти до двух. И я в это время... Ну я встал поздно...

– Ну разумеется! – она снова вспыхнула.

– А потом я сначала посудомойку снова разбираю и составляю... – повисла пауза.

– Ладно. Позвонишь завтра. Начни уже ложиться спать вовремя! И убери этот чертов мусор! – настроение у нее не наладилось, но нападать она больше не собиралась.

– У меня же вечерне-ночная подработка...

– Да-да-да! Объявления расклеиваешь. Днем-то почему нельзя?

– А я почему знаю? Уговор на вечер с ночью.

– Если не поступишь в университет, – она снова хитро прищурилась – так и продолжить там за копейки вкалывать и сидеть без денег в майке-алкоголичке. – Максим вздохнул.

– Я уже слышал, да... я тебя понял. Мусор сейчас уберу.

– И иди умывайся, чисти зубы, чтобы потом не шарахаться, нам не мешать, – сказала она уходя из комнаты.

Макс сжал кулаки, захлебываясь яростью. Просто удивительно, как какие-то мелочи могут привести в состояние абсолютно иступленного гнева. Но Максим сдержался.

И, как бы ни хотелось свернуться где-нибудь калачиком и посидеть так с час, принялся за уборку в комнате.

Сколько всего тут было... помимо обычного мусора еще и то, что Максим точно не хотел показывать матери. Тут были пустые баночки от йогурта, а рядом валялись листовки, которые он «расклеивал», чтобы оправдать свои ночные отсутствия и деньги, которые она ему не давала. Были упаковки от презервативов. Ему совсем не нужно объяснять маме почему он «водит девушек вместо того, чтобы готовиться». Лежали они прямо под какими-то черновиками с его подо-

бием рисунков. У психиатров разрыв сердца случился бы.

Максим убирался также как еще позавчера заметал следы. Неохотно, но методично. Он все уничтожал. Мазня улетела в шредер, мусор в аккуратном свертке, в котором ничего и не различить.

Все. Он убрал следы своего пребывания из собственной комнаты. И не скажешь теперь, что он тут был.

Макс посмотрел в окно и представил как убегает в него с разбегу. Картина на этот раз получилась настолько живая, что он действительно испугался высоты. Эх... а за окном уже совсем темно. Как хорошо что ему опять не надо рано вставать. Потому что уснуть сложнее, чем кажется.

Снова день. Он снова один в огромной квартире. В стенах давящего на него комфорта, который он боится беречь. Ну и хорошо, что один. Сон унес вчерашний мимолетный конфликт, так что Максим смог найти в себе силы зайти в телегу, где ему упорно строчил Гриша.

«Ага, про документы спрашивает. Отвечать? А что отвечать? Нет, отвечу когда уже буду при самих документах... А надо бы за ними сходить.»

Но далеко дело не зашло. Максим отправился на кухню, где наделал себе всякой вредной еды и унес ее к себе комнату. Макс открыл ноутбук, отпил из кружки чаю и запустил недосмотренный фильм.

– Я вот только одно не могу понять. Может,

ты мне поможешь? Когда человек сумасшедший, такой как ты... ты вот сам понимаешь, что ты сумасшедший? Сидишь себе так просто, считаешь книгу, подрачиваешь в ладошку... и вдруг вскакиваешь и кричишь... «Ух-ты, вот это клево, какой же я все-таки псих»? Так у тебя бывает?

Макс расслабился и принялся за поглощение. Он поглощал еду и ходил на кухню за новой, а проглотив остаток уже знакомого фильма, включил еще один. Периодически он прерывался, включал музыку и ходил от стенки к стенке. Или бегал под хардовый металл, размахивая руками. Одиночество прекрасно.

Так прошло довольно много времени, прежде чем в дверь постучали. Это должно было скрасить день и отвлечь от необходимости решать что-то с Лесей.

За порогом стояла молодая девушка. Больше двадцати, это точно, но все же. Брюнетка, на две головы ниже Максима, с ярко выраженными азиатскими чертами лица.

– Привет, Айна. Ты сегодня позже чем обычно. – Макс нахмурился.

– Извини. Я просто... В метро там остановили... – голос достаточно тонкий, акцент заметен, но говорила без ошибок.

– Полицейские? – приподнял бровь Макс. Айна кивнула.

– Документы проверили и отпустили.

– Ну и ладно. Марина только через часа три придет, так что

Она поцеловала его. Максима такие поцелуи не сильно радовали, но молодая наивная мигрантка была влюблена в него до беспамятства. Еще бы: молодой, обаятельный жадный до секса, из богатой семьи, работу найти помог... Макс отстранился.

– Мне раздеваться? – она уже скинула выдавшую виды ветровку осталась в чем-то там еще.

Макса эта одежда вгоняла в уныние. Настолько дешево, что бедственно.

– Пойдем в душ, – он кивнул.

Она не была красивой. Даже близко не Моника. Максимально средняя и неприметная женщина.

Придерживая затылок Айны, пока та на коленях ублажала его ртом, Максим не мог отвести от нее взгляда. Все женщины продолжали казаться ему чем-то невероятным даже после открытия завесы тайны. Он хорошо помнил, как опережающая сверстниц в развитии шестиклассница с экспрессивным макияжем месяц оказывала ему пошлые знаки внимания, прежде чем одним пятничным вечером они уединились у нее на квартире и занялись молчаливым и неуклюжим подростковым сексом. До последнего ему казалось, что как и смерть это может произойти с кем угодно кроме него. Выяснилось, что в сексе и даже в той девчонке нет ничего особенного: просто одно тело неловко трогает другое и наоборот. Вот только оказалось, что даже если он будет спешить закончить и клясться не возвращаться к этому, очень скоро

он вернуться попытается.

Максим смотрел и смотрел... Это продолжалось долго; чтобы не тратить время, Макс параллельно мылил голову.

Закончив со своей карешечкой, Максим полностью сосредоточился на губах Айны и уже через пять минут был готов заканчивать. В момент оргазма он подумал о том, что Айне сейчас не просто неприятно, но возможно еще и больно. Это вызвало странное злорадство.

– Помой меня. – Айна подчинилась, намыливая Максу спину.

Она что-то болтала про свой день, про хозяев других квартир, где она убиралась, но как всегда он не слушал.

– Достаточно. – Айна послушно остановилась.

– Что это? – он указал на темную полосу коротких колючих волос у Айны между ног – помнится, мы уже обсуждали, что мне это не нравится. Ладно, – буркнул он. При виде готовящейся оправдываться Айны он почувствовал, что закипает.

– Может хочешь... ну знаешь... еще раз? – спросила Айна, когда они вышли из душа. Максим хмыкнул.

– Да, с удовольствием, давай на кухне.

Внезапно где-то в стороне зазвонил телефон Максима.

*Listen close to everybody's heart
And hear that breaking sound
Hopes and dreams are shattering apart
And crashing to the ground*

Взглянув на экран, он скривился, задумался, но трубку все же снял.

– Алло, мам.

Разговор длился немного дольше минуты, из которой Макс мало говорил.

– Все, пока, мам, да, да, я понял, пока мам, пока... да не спешу я никуда, все, давай, пока, да, ладно, пока.

Он повесил трубку. Айна выжидающе смотрела на него

– Я буду у себя... – Максим встряхнул головой и направился к себе.

– Хочешь на диване или за столом? – Айна пошла за ним как приклеенная.

– Что? – Максим рассеянно обернулся. – А... Нет, я передумал. Начинай уборку.

– Но... – Айна смутилась. – Тебя на прошлой неделе не было, мы давно не виделись...

– Начинай. Уборку. – Макс говорил с обозленным нажимом. – Я не в настроении. Все.

Максим затворил за собой дверь и вздохнул. Зеленая ручка. Дневник. Запись. Назад в тайник. Закончив Максим схватил с дивана подушку и принялся бить ею о стену, стиснув в зубы.

– Сука, сука, сука! – он почти кричал. Но внезапно резко остановился и успокоился. Макс вздохнул и вернулся за компьютер, нажал плей:

Он продолжил сидеть так несколько часов, прежде чем дверь в его комнату отворилась. На пороге снова стояла его мама.

– Ну привет, сын.

– Привет.

Макс знал, что она приближается, слышал шаги еще от лифта.

– Чего не встречаешь?

«Так ты все равно зайдешь!»

– Не слышал что ты пришла. У меня тут музыка играла.

– Ясно. Ты в университет позвонил? – а он совсем забыл. Ложь, срочно нужна ложь... Не пойдет, уже было... правду? Полуправду? Сменить тему?

– Слушай... Ты голодная? Пойдем поедим.

Они ушли на кухню, где Максим разогрел остатки обеда, и оба уселись за стол. Но спустя некоторое время еда кончилась, и мама снова завела этот разговор.

– Так ты узнал про университет? – она выжидающе смотрела на него, будто вцепившись взглядом, и Максим снова ощутил, себя загнанным в угол.

– Слушай... – он замялся – Я вообще думаю, что... ну... что не надо мне в университет, не хочу я наверное... – Провал был очевиден еще на первых словах.

– Ну... – взгляд матери остекленел.

На секунду Макс показалось, что он в одной из своих фантазий, где мама после инсульта впала в овощное состоя-

ние. Но она заговорила. – Ну а какие у тебя еще варианты?

– Я мог бы... Не знаю, работать. Просто работать и жить.

– Где? – ее голос начал приобретать агрессивность. – На нормальную работу тебя не возьмут. Хочешь до конца жизни охранником в Ашане быть? – Уже почти крик. Все, скандала не избежать. Опять этот мерзкий нажим.

– Да кто такая эта ваша нормальная работа?! – вспыхнул он в ответ.

– Приличная! – отрезала мама.

– Ну я не буду ездить на собственном феррари, но мне и не надо.

– Ну, то есть амбиций у тебя нет?! – Ее лицо приобрело то самое ненавистное хищное выражение, напоминающее стервятника.

– В Москве под миллион студентов! А бюджетных мест в два раза меньше, чем когда ты поступала! И претендентов больше! – Макс сорвался на отчаянный крик.

– Ты считаешь, уместно так с матерью разговаривать? – она заговорила медленнее.

«Господи, да! Да, ты заслужила презрение, ты заслужила ненависть, ты заслужила отвращение! А я страх перед тобой ничем не заслужил! Да когда же ты уже отстанешь от меня!» – собственный голос в голове Макса был просто оглушительным. А тень вдобавок опять нашептывала какой-то образ. Полет. Сквозь стекло и наружу. А мир большой.

– Универ плохой вариант, – вздохнул он.

– Максим, – ее лицо снова разгладилось – ну ты же не тупой! Был бы ты тупой, я бы с тебя этого всего не просила!

– Да какое право ты вообще имеешь что-то с меня просить? – захлебываясь словами, возмутился он.

– Ну... ну вообще-то, я твоя мать, – вкрадчиво ответила она. – Я тебя вырастила...

– Я ничем тебе не обязан! – он снова сорвался.

– Я тебя вырастила и воспитала! Считаешь, это ничего не значит?

– Считаю! Надо было башкой думать, а не пиздой, прежде чем детей производить! – Мама отшатнулась от него как от больного. – Я не просил об этом!

– Ну мне что, – она говорила совсем тихо, но Максим знал что она сейчас просто в невероятном бешенстве – за ремень взяться?

Напряжение Макса лопнуло как пузырь, и он расхохотался.

– За ремень? Да я два раза тебя тяжелее, помилуй! Что? Ну что ты мне сделаешь? Я не боюсь тебя больше! Нихера ты не можешь!

– Тогда пошел вон из моего дома! У меня еще ребенок есть, хоть из нее человека нормального сделаю, а не говно такое!

Максима что-то ударило в голову. А что ему тут делать? Он уже давно совершеннолетний, а улица давно перестала быть опасным для него местом. Кто она такая, чтобы кон-

тролировать его?!

– А и пойду! – он истошно орал. В крике было что-то такое непривычно для этих стен торжествующее, что из комнаты вышла Марина.

– Вы чего тут орете?! – она явно была напугана, как и мать. Реакция Макса была резко неадекватной, он бегал, прыгал и громко кричал.

– Иди английский делай! – мама сразу же накинулась на дочь, загоняя ту в комнату.

– Сама делай! что тут... – воспротивилась Марина.

Мать насильно затолкала дочь в комнату и захлопнула дверь, а Максим в каком-то яростном приступе носился по комнате, складывая какие-то вещи в большую спортивную сумку.

– Что ты творишь?!

– Пошла! В жопу! Я ухожу, как ты и просила! – он перекинул сумку через плечо.

– Совсем с дуба рухнул! Куда?! – заорала мать.

– Куда угодно! – радость из голоса пропала, это снова был крик ненависти.

Он надел джинсовку и начал обуваться.

– Ты не можешь просто так уйти! Да ты вернешься на утро, побитый!

Мать предприняла попытку схватить его и отдернуть его руку от куртки. Максим угрожающе посмотрел на нее.

– Не тебе меня останавливать! – рявкнул он. – Уйди с до-

роги!

Сердце колотилось как бешеное, его трясло.

Макс выбежал из подъезда и рванул со всех ног. Он шел в глубоком трансе. Очертания зданий и людей стерлись, он видел только дорогу.

Очнулся Макс, уже в каком-то лесу. Он глянул на экран телефона: пол первого ночи. Не далеко ходили люди, не обращая на него внимания, многоэтажки вдалеке видно. Кажется, Сокольники. Далеко он однако добрался.

Его снова крыло воспоминаниями из детства. В основном слезы и ссоры с родителями. Брак его родителей никогда не был идеальным, но стратегии всегда использовали одинаковые: убедить, что ссору затеял он, что виноват он, что во всем виноват он! Но он же знает, что он прав! Что он не заслужил ругательств в свой адрес из-за некрасивого почерка, что ему просто необходимо еще полчаса отдыха, что в выходные он не хочет ехать заниматься плаванием или в гости, а просто посидеть дома, почитать книгу или еще что. Он знает, что прав. Но на него смотрят, ему говорят, с нажимом и с этими отвратительными паузами между словами. И он сдастся, признает вину и пойдет на сделку с обвинением, чтобы смягчить наказание, никогда не идя до конца.

Стало тяжело дышать. Он снова заплакал. Как в детстве, вытирая лицо грубым рукавом. Когда слезы отступили, он отдышался. Ну вот, теперь пить хочется...

Ночная Москва всегда красива. Неважно зима это, лето

или мерзкий переходный сезон. Ночь скрывает грязь, уродства, скрывает потертости и разруху, и видны только фешенебельные огни небоскребов, красочные гирлянды и уютные витрины круглосуточных кофеен.

Максим сел за одноместный столик в самый дальний угол и достал ноутбук. Ночь... какой гротеск... Максим заказал чай с какой-то сладостью и достал ноутбук из сумки. Хоть Гришин ответ его утешил. Открыл он так же и диалог с Лесей. В ночном кафе, попивая чай, в тишине и покое лгать и притворяться легче.

На экране снова появился фильм, а наушники переключали из телефона в ноут. Скоро ему пришлось заказать еще еды, чтобы не быть выгнанным из кафе. Макс подумал о деньгах, но затем решил, что это дело наживное.

Метро с утра уже было забито. Максим продирался через толпу.

– Сумку на ленту пожалуйста! – работник метро остановил его легким касанием о плечо.

– Руки убери! – Максим вскипел.

Но сумку на ленту поставил.

– Тише, тише. – мужчина снисходительно водил вдоль Максима металлоискателем.

– Все! – Максим сорвался с места, перехватывая сумку. – Тише тут не будет, а я хочу и нервничаю!

– Тебя что, успокоить? – мужик легко пошел на конфликт.

– Я тебя сейчас успокою по харе! – Максим плохо понимал

зачем нарывается.

– Да что ты?! – уже немало людей с сумками успели пройти мимо ленты. – Давно по морде не получал, щенок?

Лицо Максима снова исказилось улыбкой. Он против своей воли сдавленно засмеялся.

– Чего ржешь!

– Тихо ты! – к ним подошла женщина, оператор ленты. – Тебя и на минуту нельзя оставить! – она обращалась к своему коллеге. Обычная женщина, в районе пятидесяти. Максим знал как с такими работать. Его лицо приняло выражение непонимания и легкого раздражения. С мгновение подумав, он положил сверху еще и испуг с нервностью.

– Женщина, ну может вы объясните своему коллеге, что мое нежелание ставить сумку на ленту не повод грубить мне! – в голосе появились нотки детской обиды.

– Но вам надо поставить сумку на ленту. – Женщина развела руками.

– Но я поставил! – еще больше возмущения своим положением.

– Он ведет себя как обдолбанный! – опять вмешался мужик. – Его бы задержать...

– Но я поставил! Не сразу, но поставил, а вы мне грубите!

– Так. Вы – женщина обратилась к Максиму – можете идти. А ты...

– Всего доброго. – Максим издевательски подмигнул бывковавшему мужику и ушел. До него еще успели донестись

пара реплик.

– Ты, здоровый лоб, заняться нечем, кроме как детей прессовать!

– А ничего что ребенок меня на голову выше?! И ему уже давно в армию пора!

Максим скрылся в вагоне и смог сбросить маску. Еще немного и он снова был среди тех же депрессивных рядов ветхого жилья. Леся даже все еще была в той же футболке.

– Приветик. – она держала руки в замке, не зная куда их деть.

– Привет. – Максим продолжил добрую традицию: если остыл после ссоры, она исчерпана, и незачем это обсуждать. Он обнял ее.

– Ах... Я скучала. Проходи... документы... ты в прошлый раз забыл... – Максим поцеловал ее и поднял на руки. Свернувшуюся калачиком, не переставая целовать, он перенес Лесю на диван и лег рядом, а затем разорвал поцелуй.

– Капец ты жирная! Еле донес! – Максим растянулся в улыбке до ушей.

– Ой, иди ты в жопу!

Следующие полчаса прошли для Макса крайне приятно, а Леся, похоже, была только рада забыть о ссоре. Они обнимались, обменивались мемами, целовались. Макс раз в пару минут прокручивал мысль о том, что рано или поздно придется поговорить о насущном, но откладывал до удобного момента. На этом диване не так уж и плохо доживать жизнь.

Не худший вариант.

– Максим! Ты хули моей кредиткой рассчитался? – спросила Леся с полным ртом пиццы. Максим изобразил красноречиво гипертрофированную заминку.

– Ой, Леся, какая ты красивая сегодня!

– Я не расчесывалась несколько дней. Почему моей картой?

Макс сел рядом с ней, вздохнул.

– У меня некоторые трудности с деньгами, Лесь.

– С деньгами твоей матери ты бы мог себе позволить заплатить со мной пополам даже на Манхэттене. – Леся сложила руки на груди.

– А я больше не могу, – сказал он, глядя ей в глаза. – Я больше не общаюсь с мамой.

– Эм. В смысле? Вообще? – Максим не позволял себе отвести взгляд. – Вообще насовсем?

– Надеюсь, что насовсем. Возвращаться мне точно не хочется. Я уеду... куда-нибудь.

– Так... – Леся как всегда неловко сочувствовала. – И как это?

– Посрались, довели друг друга больше обычного, я собрал вон ту сумку – Максим указал на свои пожитки – и ушел. Вчера вечером.

– А... А ночь ты...

– На улице. – Конечно для улицы там было слишком тепло и уютно, и напитки подавали, но эти детали ни к чему. –

Хотел сразу к тебе пойти, но как-то постеснялся... Я тебе в прошлый раз может нагрубил...

– Ага, стеснялся он! – Все как задумано, она возмущена. – Ты ночь на улице проторчал! Можешь оставаться тут сколько захочешь. – Леся подошла к Максиму и обняла его.

– Спасибо. Я буду платить также за еду... только меньше. Я совсем не знаю куда мне податься.

– Ну... Пока не придумаешь, можешь оставаться у меня. Папа все равно тут редко бывает. – Леся воодушевленно чмокнула его в губы.

Максим провел у Леси еще почти полную неделю. Еда, приставка, секс, еда приставка, секс. Иногда сон. Пару раз пришлось выйти за продуктами, но не страшно – две минуты.

На картах у Максима итак были сбережения, а на третий день пребывания у Леси на счет посыпались деньги от Гриши – в цифрах Максиму этот брикет нравился гораздо больше, чем в виде улики. Так что в деньгах недостатка не было. Пока что.

Мама регулярно названивала, но он не потрудился взять трубку.

Приближалось возвращение отца Леси. Максим беспокоился о том, куда ему отправиться, но все оказалось просто. Лесин папа был совсем не против его здесь пребывания, все равно он на этой квартире и бывал-то раз в неделю. Милый мужчина, мягкотелый все же. Прошло уже более чем доста-

точно времени, и Гриша с Никой постоянно строчили ему сообщения, назначая встречу.

В один из дней, Максиму таки пришлось собраться с силами и направиться домой. Марина сейчас в школе, а мама должна быть на работе. Надо было вскрыть свои тайники, ликвидировать плантацию, забрать свою любимую рубашку, которая лежала в стирке.

Возле метро была скамейка. Он уселся на нее и стал смотреть на свой дом. Кирпично-стеклянная громадина была эффектно освещена солнцем. Он просидел на скамейке несколько часов, прежде чем окончательно испортить себе настроение, развернуться и уйти прочь.

– Ох... Леся...

– М? – пухляшка оторвалась от телефона.

– Это было тяжело.

– Ты про вещи? – на секунду в Максиме снова поднялся гнев: «О боги, ну и дура!»

– Нет. Я туда не попал. Не пойду туда.

Леся непонятливо уставилась на него.

– Так... Еще раунд? – она с надеждой протянула ему джойстик. Макс, тяжело вздохнув, кивнул.

Все-таки с Лесей было приятно проводить время, миловаться и тешить собственное самолюбие, но она его совсем не понимала. Он ее к сожалению понимал слишком хорошо и знал, насколько под этими крашеными волосами все просто и неудачно устроено. Да там понимать-то...

Но что есть. А игра в приставку есть игра в приставку, как и второсортный секс есть хоть какой-то секс. Так что пока он терпел и оставался тут. Как уже довольно давно.

Был снова следующий день. Максим помнил, не мог забыть, что на сегодня назначен отъезд. День Хэ. Даже Ху. Он снял те остатки одежды, что были на нем, и бродил от двери ванной комнаты туда и обратно около получаса. Из душа Максим не желал вылезать, пока в ванную не начала ломиться и Леся.

– Этой ночью я тебе презерватив ртом надевала, а сейчас мне с тобой в ванной за шторой зубы чистить нельзя?

– Уединение, Лесь! Я же не могу погружаться с концами в телефон, как ты!

Леся смятенно ходила кругами вокруг, периодически она пыталась звать Максима назад на диван, обнять его или заговорить с ним, но этим она в нем только вызывала раздражение. Через несколько часов она себе места не находила.

– Все, Ника с Гришей подъедут уже скоро, мне пора. – он уже застегивал джинсы.

– Да, конечно... документы в коридоре – рассеянно пробормотала она. – Ты уверен, что хочешь уезжать? Вот так просто бросить все и уехать.

– Да мне нечего тут бросать, кроме проблем, – Максим стоял в прихожей и завязывал шнурки ботинок.

– Меня тоже?

Максим вздохнул. Ну почему опять вот это все, а?

– Лесь, не драматизируй. Когда я вернусь...

– Если! вернешься. Ты взял с собой компьютер и Монику.

С таким багажом в путешествия не ездят.

Она была спокойна, но явно расстроена.

– Не глупи. Все дороги ведут в Рим, а Москва – третий Рим, так что... – Он почесал шею. – А еще порт пяти морей...

– Макс! Может не будешь уезжать? – с надеждой спросила она, опустив глаза.

«Тонуть в этой трясине, уютной для нее трясине с подогревом и гидромассажем.»

– Прости? Но я хочу! С чего бы вдруг...

– Кроме как здесь тебя нигде ничего не ждет. – Максим узнал нотки, предшествующие подкупу с ее стороны. Инстинкты навязчиво шептали: бежать.

– А тут? Тут то дохера перспектив!

– У нас есть еще одна квартира, мы сдаем ее...

– Прости? – Максим говорил с наездом.

– Папа выселит жильцов и пустит нас. – Лесья явно неоднократно проговаривала эти слова про себя. – Мы съедем туда. Деньги... ну, мы можем как-то подрабатывать, у меня что-то есть...

Максим молча оглядел квартиру, посмотрел на смятое и залежанное грязное белье на диване, на кучи мусора и упаковки от пиццы. Затем на джойстики от приставки и на саму

Лесю. На лице его не было ничего кроме удивления, страха и сожаления.

Макс все также молча обнял Лесю, положил ей на секунду голову на плечо, затем поцеловал ее. Так и стояли.

– Пока. Я буду писать. – и ушел, обвешанный сумками и коробками.

Чуть поодаль от двора стоял большой черный фургон. Матово блестящий, с хромированными дисками, черный американец – Шевроле Экспресс. Фургон выглядел мрачно, но так даже лучше!

Новое понимание дало Максиму сил и он ускоренным шагом добежал до фургона. Боковую дверь не без усилий распахнула Ника.

– Запрыгивай!

Внутри фургона с прошлого раза мало что изменилось. Пол застелен пушистым белым покрытием, кресел всего два (стоят с двух сторон от торчащей из стены плоскости, выполняющей функцию стола. И вплотную к спинкам передних сидений валяются два кресла-мешка черного и лилового цвета. Практически самодельный автодом.

Сумки Максим отпихнул куда-то в самый зад автомобиля, а затем обнялся с Никой и плюхнулся на пол.

– Вы неплохо поработали с Максом, – обратилась Ника к Грише – После того как разбили конечно! – она добродушно рассмеялась.

– Это была случайность, – в очередной раз оправдывался

Гриша – кто-то просто переключил машину на задний ход...

– Да, слышали. – Максим поспешил прервать тему. – Страховка все покрыла, мы исправили кучу старых поломок.

– Это да, но все же как... – Ника внимательно смотрела на него.

– Не знаю, да и похер мне.

Конечно он знал. Это он переключил скорость и оставил машину так. Все люля от всей их компании (включая Мо-нику) получил Гриша, обыгравший его столько раз подряд в карты по чистой случайности, денег не потратили ни копейки, а фургон они переделали как ему хотелось. Отличная была манипуляция, легкая, рентабельная.

– Бак полный?

– Угу. – Гриша весело кивнул Максу.

– Ну так поехали.

– А куда? – спросила Ника.

– Нибудь. Куда-нибудь, – постепенно расслабляясь, ответил Максим.

– О, я знаю дорогу, – ухмыльнулся Гриша и вдавил газ.

Ника включила музыку с их флешки. Машина разгонялась по относительно свободным дорогам и Макс постепенно выдыхал.

«Пришло время быть в пути. Дорога длинная, дорога не кончается. Только если ты не приезжаешь куда собирался. А мне ехать некуда... Да будет дорога. Долгая, бесконечная, главное ехать подальше от этого всего».

*I used to get stuck on the simplest of things
I never tried flying or spreading my wings
What I want to convey is that I'm getting away
«Cause tonight I'm breakin' out
I went from park to neutral
Now I'm shifting to drive
«Cause you gotta depart
If you want to arrive
No more biding my time
With these eternal rhymes
«Cause tonight I'm breakin' out!
I'm breakin' out
From the things that were holding me back
I'm breakin' out
In every wall, if you look there's a crack
In the end that's what life's all about
When the walls closing in
You know it's time to begin
Breakin' out!*

Глава 4 – Мертвые мальчики не плачут

В этих чертовых школах никому доверять нельзя.

Джером Сэлинджер «Над пропастью во ржи»

– Ну наконец-то! – воскликнул Гриша.

Максим вернулся фургон с полными руками хот-догов. Он молча отдал по пакету Нике и Грише. Те с сомнением посмотрели на гораздо более объемный с виду, который остался у него.

– Эээ... – протянула Ника.

– М? – Максим уже развернул пакет и начал есть.

– Целых три? – удивленно спросил Гриша.

– Как видишь, – отмахнулся Максим.

Глядя на жующего три хот-дога сразу, Гриша отложил свой, пробормотал что-то про аппетит и про то, что им надо ехать.

Уже совсем скоро они были на въезде в город.

Стоило только въехать в жилые массивы, как они встали. Пробка была не просто огромна, она была безгранична. Максим встал и высунулся вперед, чтобы оглядеть через окна обстановку. За окном простиралась широкая улица в шесть полос, которая упиралась в перекресток. Перекресток был

сущим адом, где машинам в час по чайной ложке удавалось протискиваться с шоссе, чего не скажешь о наглухо увязших пазиках, которые и сами двигаться не могли, так еще и стопорили движение всем остальным. Присмотревшись, Максим разглядел за одним из поворотов две столкнувшиеся машины и зеленые жилеты гаишников. Авария – в таком месте и не удивительно. Макс ткнул в приборную панель фургона и плюхнулся обратно на свой мешок под звуки из динамиков фургона.

– Назад в нулевые, мать твою!

*Чистил Фред колодец свой
И под мутною водой
В платье девичьем скелет обнаружил Фред
И зачем-то, вот вопрос, в дом к себе его отнес
Утром беды начались – ноги отнялись.*

Он откинулся на спинку и слегка озлобленно уставился в потолок. Хот-доги давно были съедены и ему было скучно. Буквально за несколько секунд нетерпение достигло в нем болезненного пика и он завертелся на месте.

– Ну и что там? Есть просветы? Ты можешь нас отсюда увезти? – Макс принялся терзать Гришу.

– Неа, – Гриша покачал головой – полная безнадега. Жесть, кто-то так каждый день небось ездит.

– Ну хоть как-то же можно отсюда выбраться! – Макс снова с раздражением плюхнулся на мешок.

– Я что бог что ли? – так же раздраженно откликнулся Гриша.

– Ну хз... Ты взрослый?

– Я на три года тебя старше! – возмутился Гриша. Моника засмеялась. – И тебе девятнадцать!

– Ничего не знаю, ты живешь отдельно от родителей, учишься... учился в институте. Права вон у тебя есть.

– У тебя тоже есть! – Гриша наигранно возмущенно кривил голос.

– У меня так, для галочки. Я после экзамена водил... один раз, кажется.

– У тебя будет шанс восполнить этот пробел. Ты же не считаешься, что я все время за рулем буду? – Гриша довольно ухмылялся.

– Ты не хочешь сажать меня за руль. – С нажимом произнес Макс. – Просто подумай о том, как в этой пробке или любой экстремальной ситуации я впаду в ступор.

– Скорее уж в режим берсерка! – добродушно рассмеявшись, Ника плюхнулась вплотную к Максиму и запустила ему пальцы в волосы. – Я слишком живо вижу, как ты давишь всех пешеходов, а потом достаешь автомат и такой «Я подмигнул вам поворотником и пропустил вас, но мой Томми-ган нет!» – Невольно Максим начинал тоже смеяться.

– А! Ло! – Гриша окликнул его и Макс очнулся от мыслей и понял, что прекратив смех он отвлекся и утратил нить разговора.

– Да... Что?

– Рвота, подъем! – Гриша продолжил привлекать внимание Максима, пока Ника с любопытством щелкала у него пальцами перед лицом.

– Да что?! Отвлекся немного. – Наигранно оправдывался Макс.

– Я спросил, почему мы в итоге приехали в Нижний Новгород и чего мы тут забыли.

– Надо отметить, что вопрос с таким очевидным ответом мог задать только ты! – Максим фыркнул. – Мы здесь по очередную душу. Ну или по первую для кого-то.

Макс должен был отдать своим компаньонам должное: все же они были не худшими сообщниками для убийства.

– Так... – Гриша слегка замялся – И кого ты выбрал на первое?

– Детоубийца, педофил, красавец, спортсмен, комсомолец... – голос Максима был безразличен.

– Миллиардер, плейбой, филантроп! Знаем, слышали. Конкретнее, пожалуйста, моя жизнь ограничена во времени! – Ника легонько пнула Гришу по спинке сиденья.

– Да-да, как скажешь. Так вот, – Максим достал из сумки планшет -начиная с... плюс-минус шесть лет назад (смотря как считать) начались пропажи детей. Судя по тому, что я вычитал, полиция связала некоторые из них в серию, но далеко не все. Так или иначе, за эти шесть лет у них двенадцать всяков...

– И откуда такие данные? – самодовольно хмыкнул Гриша.

– Ты сам постоянно треплешься, что абсолютно все, включая ментов, сливают в интернет инфу. Что-то можно купить, но большая часть и так попадает в телеграм каналы. – Максим поморщился, будто от неприязни. – Так вот, как я говорил, пока меня не перебили, двенадцать висяков за шесть лет...

– По одному в полгода? – теперь перебила Моника.

– Да! По одному в полгода, если я прав; будет здорово, если я договорю.

– Извини. – И она снова опустила глаза. Злиться на нее у Макса пока не получалось.

– Ничего. Если я прав, то все это один человек. Нашли только семь тел, и полиция связала в серию только пять из них...

– Бездельники в погонах! – вставил Гриша.

– Ну не без этого, – уклончиво согласился Максим. – Но главное, что семь тел нашли в одном районе. А остальные пять исчезновений случились в том же месте.

– И ты на основании этого связал все эти дела в серию? Ну, знаете ли! – Гриша немного наигранно фыркнул. – Может, они даже не убиты, просто погибли где-нибудь, где их не найти, или сбежали из дома.

– Во-первых, восемьдесят процентов пропавших находятся в течение месяца после исчезновения. Оставшиеся почти

все мертвы, это тот случай. Во-вторых, не только на основании этого! – Максим говорил с живым интересом и, не будь он так увлечен своим рассказом, заметил бы и что они начали двигаться, и зачарованный взгляд Моники, глядящий на него. – Самому младшему девять лет, самому старшему двенадцать; все из неблагополучных семей, все мальчики и имеют внешнюю схожесть. – Максим победно открыл на планшете фотографии и показал их Грише и Моники.

– Ну и чего тут общего?! – Гриша возмущался, отвлекаясь от дороги. – У троих щеки со спины видно, остальные тощие, цвет волос разный, рост разный, национальность даже кажется разная!

– Ну... не скажи... Что-то общее действительно есть. – задумчиво протянула Ника.

– Да вы что, не видите, что они все... – Макс запнулся, осознав, что не может объяснить внешнее сходство между детьми.

– И все же? – Гриша покачал головой.

– О, я забыл упомянуть самое очевидное. – Максим выдержал небольшую театральную паузу. – Все двенадцать мальчиков учились в одной школе. Как тебе такое совпадение?

– Это уже лучше. – Заявление заметно исправило настрой Гриши. – Но как много школ в Нижнем Новгороде в принципе?

– Сто шестьдесят с лишним. – Максим подготовился –

И на одну школу приходится на шестьсот учеников больше, чем в Москве. Думаю, мораль ты понял.

– Что образование в дерьме, и школы изо всех сил сливаются в более крупные, что превращает их в колонии строгого режима и делает обучение в них скорее испытанием, чем реальным получением образования? – Гриша снова зашелся в сарказме. Это вызвало смешок у Ники и Макс снова почувствовал себя лишним.

– Это конечно тоже. Но я про то, что уж обучение их всех в одной школе причина достаточно резонная. И уж в сочетании с предыдущим...

– Приехали! – Гриша резко надавил на тормоза и Макс с Моникой оба свалились со своих мешков на пол.

Он забился в свою квартиру, в свое убежище, за запертой на все замки дверью и зашторенными окнами он перебирал свой заветный набор. Он хранил все в старом портфеле.

Он достал положил портфель на столешницу и откинул магнитную застежку. Достал из внутреннего кармана упаковку с ампулами. В пластиковой плашке на десять ампул осталось только три. Медленно и осторожно он поставил плашку на столешницу и вернулся к прочему содержимому портфеля: несколько инсулиновых шприцов, перетянутых канцелярской резинкой, большая пачка презервативов – распечатана и использована наполовину.

Следующим предметом был нож. Обычный складной нож

с хромированным лезвием и рукоятью. Он нажал на кнопку и мощная пружина моментально выкинула лезвие. Рукоять длиной сантиметров пятнадцать, а лезвие немногим меньше. Нержавейка долго держит заточку. В его руке это оружие лежало как влитое. На рукояти и у основания лезвия осталось еще немного крови.

Рука мужчины тряслась, как осиновый лист, но он усилием воли унял дрожь и открыл в кране воду. Горячую. Руки жгло, как огнем, но ему не привыкать. Боль было тяжело терпеть, он готов был снова заплакать. Но, стиснув зубы, он выдавил немного кухонного мыла и принялся отмывать нож. Нарочито медленно, чтобы успеть ощутить как можно больше боли. Когда он закончил, кожа была красная, как вареные раки, а со лба катился пот. Он тщательно обтер нож полотенцем и положил проветриться.

Мужчина снова залез в портфель и вынул оттуда фотоаппарат. Старая мыльница на двух пальчиковых батарейках, уже больше десяти лет с ним. Как и все разы до этого он вынул из камеры карту памяти и положил ее в карман рубашки.

В портфеле был еще фотоальбом. Он дошел до своей крошечной гостиной. Сердце билось так, будто он бежит марафон. Мужчина с трудом опустился в кресло. Трясущимися руками он расстегнул брюки и спустил их. На гостиничном столике стояла коробка салфеток: он приготовил все еще когда уходил. Мужчина открыл альбом и, не отводя от его страниц взгляда, запустил руку в трусы.

На каждой странице умещалось две фотографии, а заполнено было одиннадцать с половиной. Скоро он распечатает новую фотографию и сможет закончить двенадцатую. На фотографиях были мальчики. Они лежали на спине, голые. Он опустил веки им всем; теперь они как будто спят; они и правда спят, но гораздо больше: смерть называют вечным сном, но на самом деле все наоборот, это сон маленькая смерть, состояние, в котором ты не находишься в этом мире. Только во сне тебя преследуют призраки сегодняшнего дня. Потому что ты продолжаешь знать, что ты вернешься в мир. Сон – это полумера, а он был решителен.

Мальчики лежали на сырой земле, хорошо освещенные полуденным солнцем. Камера захватывала их аккуратно выше пояса. Разумеется, он воспользовался ими, но это между его настоящим и их неслучившимся будущим. К чему оставлять это в камере, пусть уж покоится.

Тела были свежие, без каких либо следов и отметин. Разрез, убивший их, остался за кадром, а там, где он был на руках, он просто перевернул их внутренней стороной запястья вниз. Вся кровь уже стекла, и тела были чистыми и бледными.

Сдавленно застонав, мужчина потянулся за салфетками и выдохнул. Рубашка была насквозь мокрая от пота. В горле у мужчины стоял ком. Он стиснул зубы. Глаза блестели. Он закусил губу – пошла кровь.

Комнатушка была откровенно жалкая, благо что отдельная. Не более десяти квадратных метров и крошечный санузел. Включив свет, Макс обнаружил стремительно убегающего таракана. Обои где-то протерлись, а где-то вздулись. Кондиционер дул слабо, больше шумел.

– Либо тут за эти деньги где-то лежит сексуальная горничная в мини юбке... – Макс осекся, бросив взгляд на крошечный холодильник в углу. – Кто-то из предыдущих, прости Ктулху, постояльцев вполне мог оставить в морозилке ее голову.

– За сутки до заселения трудно найти нужный слот на букинге! – оправдывался Гриша.

Заперевшись в крошечной ванной, Максим боязно оглядывался. Он не хотел признаваться в этом себе, а тем более кому-то еще, но он слишком привык к жизни в роскоши. Подавив внутри себя брезгливость, стараясь ничего не трогать, Макс шагнул в душ. Включил воду погорячее и попытался как раньше найти в воде свою зону комфорта – не получилось.

Вода слишком жесткая, места слишком мало, от стен веяло холодом, а в углах росла черная плесень. Все не то. А кто виноват и что делать? Просто придется научиться жить в менее фешенебельных условиях.

– Итак, – хмуро спросил Гриша, расхаживая по комнате. – С чего нам начать?

– Найдено семь тел, все со следами сексуального насилия,

нет отпечатков, нет ДНК. Все тела обескровлены...

– Чего? – Ника в чистой одежде распространяла вокруг себя облако свежести; само присутствие этой девушки распространяло на Макса какую-то особую волну интимности, уловить которую будто бы мог только он.

– Их всех обескровили.

– В смысле... типа как вампир?

– Как вообще можно обескровить тело? Насосом?! – удивленно вопрошал Гриша.

– Это довольно странно – согласился Максим. – Там просто порезы на руках у одних и на бедрах у других. Сомнительно, что они смогли бы истечь через них кровью просто так.

Максим повернул планшет, чтобы вызвать живой интерес у Ники и легкую дурноту у Гриши, которого, кажется, слегка смущали детские трупы.

– Значит... кхм, ты считаешь, это важно?

– Вероятно, – Макс кивнул. – Но пока это нам не поможет.

– И в итоге мы возвращаемся к вопросу, который я уже задал. – Гриша замер и повернулся к Максиму в волевой стойке. – Что нам делать?

– Ты, – Макс ткнул пальцем в Гришу – поедешь искать где в этом городе купить левую симку...

– Уже есть. С запасом.

– Отлично, – Максим кивнул – ты возьмешь ее и позвонишь директорше школы, скажешь, что мы хотим взять

у нее интервью. Назови какую-нибудь мелкую интернет газету. Контактная информация у них на сайте. А потом я возьму карандаш за ухо, – Максим выполнил указанное действие – открою заметки на телефон и пойду брать у нее интервью. Только не вздумай говорить о теме интервью, а то хрен нам, а не расследование.

– Ты уверен, что справишься? – Гришп обеспокоенно смотрел на Макса. Тот ответил тем же.

– Мне не впервой такое делать, как ты понимаешь. И вру я... видимо отлично, раз еще на свободе.

– Ах, школа! – Моника расплылась в злой усмешке. – Наш проклятый второй дом...

– Помнишь, как мы заканчивали? – спросил Максим. – Слезы, таблетки... Прогоулы и драки.

– А родители и бабушки обещали романтику, – грустно вздохнула она. – Что все будут смотреть кто каким вырос, вспоминать старые конфликты и влюбленности...

– Так тебе обещали романтику? – зловеще скривился Гриша. – Пожалуйста! Слезы, таблетки, прогулы и драки. Вот и вся романтика.

– У меня так все одиннадцать лет прошли, – добавил Максим, и они все прыснули.

Школа жила в длинном трехэтажном здании, в высшей степени унылом, как только школы умеют, а заглянуть ему в окна – все равно что в глаза участковому.

Макс провел пальцем по забору. Наверное, у всех школ

какой-то патент на эти прутья будто бы из одной краски и с ржавой фольгой в основании.

– Эй! Ищете что-то?! – он обернулся. Какой-то мужик высунулся из-за дешевой пластиковой двери на улицу и, щурясь от июньского солнца, кричал Максиму. – На территории школы посторонним находиться нельзя!

– Здравствуйте! – инстинкты реагировали раньше него самого – У меня встреча назначена с Валерией Михайловной! – Максим уверенным шагом направился к дверям школы.

– С директрисой? – внешне школьный охранник напоминал скорее росгвардейца, чем человека, которому вы бы доверили защищать детей.

– Да, мы на полтретьего договорились...

Охранник, не сводя с Максима глаз, отошел за стойку и поднял трубку телефона. Максим огляделся: унылая мозаика на стенах; пустая, но даже так кажущаяся тесной раздевалка своими бесконечными изгибами напоминала промзону в масштабах школы. Максим вспомнил, как часами ждал в раздевалке папу, прежде чем тот его заберет.

Ему одиннадцать. Он уже не милый голубоглазый мальчик со светло-каштановой челкой. Волосы подстрижены под абсолютно безвкусный горшок, потемнели и все время сальные. Заметно вырос и растолстел. Школьная форма больше не вызывает умиления: теперь рубашка сидит плотно; не практичные брюки все в пятнах уличной грязи. На лице

уже заметно пробиваются прыщи.

Он сидел в конце длинного коридора на жесткой узкой банкетке, на которой он толком не умещался. Папа здорово задерживался. Совещание, наверное...

Охранник сидел от него метрах в пяти и разгадывал кроссворд и периодически подозрительно и с недовольством поглядывал на Макса. Очевидно, он доставлял охраннику какие-то хлопоты тем, что не мог уйти.

Максим хотел в туалет. Жжение в области мочевого пузыря было непрерывным и сводило его с ума. Он уже дважды пытался уйти из коридора ожидания назад в учебные помещения, чтобы зайти в туалет, но при прохождении туда надо было заново отмечаться в журнале, а охранник сказал, что чаще раза в учебный день без уважительной причины нельзя; идти в третий раз со своими физиологическими потребностями к незнакомому человеку Макс стеснялся.

Жжение не прекращалось, и, стоило хоть на миг подумать об этом, оно усиливалось. Макс старательно пытался отвлечься. Змейка помогала, но кнопочная нокия уже давно села, а все уроки, которые Максим мог сделать на коленке, он уже сделал. Теперь он смотрел на облака через стеклянные витражи, пытаясь придумать на что они похожи. Но на дворе ноябрь, дождевые облака потемнели и сливались в один непроницаемый занавес, различить в котором формы было невозможно. Жжение, спазмы... Он ерзал на месте, по лицу катился пот.

По коридору прошли две девочки. Вот они точно сохранили очарование первоклассниц: банты пышные, кожа чистая, глаза сияют, у одной уже растет грудь, и это ее совсем не портит.

Девочки весело смеялись, говоря о чем-то совсем непонятном Максиму. Проходя мимо него они замолчали, а, оказавшись буквально в метре, снова противно приснули и побежали к турникету, приятно улыбнулись охраннику, попрощались с ним (после чего он снова бросил взгляд на Макса) и исчезли за стеклянную дверь.

Спазмы Максима перешли в боль, вынуждающую задержать дыхание, чтобы не закричать. Он встал, начал ходить по коридору. Он стиснул зубы, чтобы ничем не выдать охраннику своего состояния, иначе ему светил нагоняй, что не посетил туалет перед выходом. На понимание можно не рассчитывать.

Надо просто дождаться папу, а там... черт, а вдруг, если выехать так поздно, то на дорогах пробки? Неожиданная мысль пронзила мозг Макса, вызывая у него не просто страх, панику! Сможет ли он дотерпеть до дома? И ведь ни позвонить, ни даже время посмотреть.

Максиму было больно. Ощущения в мочевом пузыре нельзя было назвать иначе как боль, а он все равно был вынужден терпеть. За ним приедут, уже скоро... Он часто дышал, пытаясь снять боль.

Он метался вдоль коридора как тигр в клетке, все мысли

сосредоточились вокруг эпицентра боли внизу живота.

Уткнувшись в рукав рубашки Макс сдавленно застонал, моля, чтобы охранник ничего не услышал. Хотелось ощутить поддержку хотя бы от одежды, но он же в школьной форме. Тонкая рубашка только размазала слезу с потом по лицу, ничего не впитав. Как пластик.

Следующий спазм вынудил Макса содрогнуться от ужаса. Он не удержался, и сейчас он писался прямо тут, в школьном коридоре. Максим не дышал, не двигался. Толстая крахмальная материя брюк не впитывала много жидкости, и моча полилась прямо в обувь. Он ничего не смог сделать и снова вернется домой поверженным. Спазмы отступили, боль утихла. Максим несдержанно всхлипнул.

Охранник бросил на него странный взгляд, но в следующую секунду в коридоре уже показалась директриса.

– Здравствуйте... как я могу к вам обращаться? Прошу, пройдемте! – ко входу вышла женщина в годах, выглядит молодо, но Максим чуял не меньше шестидесяти.

– Здравствуйте, Валерия Михайловна, можете звать меня Ярослав, – он широко улыбнулся.

– А о чем конкретно вы пишете статью? – поинтересовалась директриса.

– Да так, полный школьный цикл, что за кадром остается... – проямлил Макс.

Они поднялись на второй этаж и остановились у дверей директорского кабинета. Максим достал телефон и начал пе-

чатать какие-то заметки, чтобы отвести взгляд. Кажется, это удовлетворило директрису.

– Не знаю, что в этом интересного, но проходите.

Зачатки подозрительности во взгляде директрисы пропали и она отворила дверь в кабинет. Они сели по противоположные стороны от стола и Максим снова ощутил себя ниже, чем он есть.

– Итак...

Макс не готовил вопросы. Он считал себя профессиональным лжецом и верил в свою способность к импровизации. И он был прав: ему даже задумываться о вопросах не приходилось. Он автоматически задавал несвязанные друг с другом вопросы, делал вид, что пишет, но в остальном плавал в своих больших мыслях.

Он бывал в кабинете директора, и не раз. Но в этом посещении есть что-то победное. В конце концов, он сам сюда пришел. И, если уж на то пошло, пришел обманом, а значит практически против воли директрисы. Сколько всего изменилось...

– Вы замужем, Валерия Михайловна? Вижу на пальцах кольца, но...

– Что? – вопрос немного смутил директрису. – Я... Я замужем за работой. – Макс запел себе дифирамбы, глядя, как женщина, вгоняющая сотни учеников в страх, потупила глаза.

– Стало быть, и детей нет? – он старательно сохранял де-

ЛОВИТОСТЬ.

– Я не... А какое это имеет отношение к теме вашей статьи?

– О, мы просто думаем уделить немного внимания личностям школьного персонала. Решили, что это добавит... жизни.

– У меня нет собственных детей, но я отношусь ко всем нашим выпускникам, как к родным! – Валерия Михайловна звучала теперь немного обвинительно, будто оборонялась. Макс остался невозмутим, но тень сотрясалась от ледяного хохота.

– А живете вы...

– Моя квартира недалеко отсюда, школа мне как второй дом! – с нажимом произнесла директриса, четко давая понять, что тема закрыта.

– Как скажете, а как насчет... – Максим замялся глянуть имя в телефоне – У вас пропадают дети. Даниил Соколов, Яша Черников, Михаил Крестовоздвиженский? Что можете сказать о них?

Едва закончив вопрос, Макс понял, что ничего ему не светит.

– Эти дети убежали из дома и я не желаю обсуждать это с журналистами! – рявкнула Валерия Михайловна, побагровев. – Школа не дает комментариев на эту тему!

– Но как же, вас не беспокоит, что в одной школе целых двое за год...

– Эти дети изначально не подавали особых надежд! – директриса кричала, а темный попутчик Макса бился в экстазе. Может, он даже доведет ее до слез?

– Но...

– С ними всеми занимался психолог! – директриса явно потерялась и выдавала зазубренные фразы. – Эти дети все были ненормальными, последний резался! Родители у него золотые, а он... – она задыхалась от гнева.

– С ними всеми занимался психолог? Резался? – Макс резко посерьезнел. Этого он знать не мог. Он и так знал больше, чем следовало.

– Да! Александр Анатольевич потрясающий педагог, заслуженный учитель, всю душу в этих детей вкладывает... Если еще кто-нибудь из вас, шакалов, скажет, что он плохо делал свою работу, я лично...

– А можно с ним...

– Убирайтесь! – Валерия Михайловна подошла к нему вплотную, казалось, по привычке с детьми чуть не схватила его за ухо.

Разговор, очевидно подошел к концу.

– Ладно, ладно, – он поднял руки в защитном жесте.

Макс вышел из кабинета и направился к выходу, директриса следовала за ним по пятам, продолжая плевать оскорблениями.

«И это я еще о найденных не заговорил.»

По коридору пронеслись двое детей, Валерия Михайлов-

на даже крикнуть им ничего не успела.

– А каникулы разве не начались? Что эти дети в школе делают? – раз все уже полетело в тартарары, можно и дожать.

– Летняя школа! – злобно выдохнула директриса. – Доучиваются за прогулы, отсиживают наказания! Уходите!

– И что же, вы держите весь преподавательский состав ради нескольких пятиклассников? – хотя внутри Максим начал злиться, снаружи его невозмутимости можно было позавидовать.

– С ними занимается психолог! – просто удивительно как громко может рывкать такая маленькая женщина.

– Валерия Михайловна!

Они подошли к пересечению двух коридоров, теперь из дальнего конца одного из них к ним шел охранник, а с другого какой-то мужчина в пиджаке.

– Что-то случилось? – оба очутились рядом практически одновременно.

– Проводите этого! К выходу пожалуйста, и проследите, чтобы территорию школы покинул.

– Я могу вам чем-то помочь? – довольно приятный тенор мужчины в пиджаке вызвал у Макса странное чувство.

В этом человеке определенно была сила, которой большинство людей напрочь лишены, и это приковывало к себе внимание Максима. Заметно за сорок, но не старый, лицо... нет, приятным не назовешь, а на голове прилизанные, но бесформенные волосы, немного тронутые сединой.

– Нет, Александр Анатольевич, – Валерия Михайловна резко отдышалась и снова заговорила спокойно.

Они пропали из виду, а охранник перегородил Максу путь и дал понять дальнейшее направление. Максим на мгновение скинул маску и криво усмехнулся, глядя на охранника сверху вниз.

«Знал бы ты дядя, сколькими способами я могу остановить твое сердце. Забавно: в армии служил ты, а убиваю я.»

– Уже ухожу, – Макс поднял руки, будто сдаваясь.

Самым медленным шагом, на который был способен, он двинулся к выходу, старательно осматриваясь по сторонам. Напротив входа висел большой стенд. Максим искривил траекторию, чем вызвал явное недовольство охранника.

– Да иду я, иду!

Он вперил напряженный взгляд в стенд, увешанный фотографиями персонала с именами. Вот он – Хромых Александр Анатольевич. Психолог, учитель обществознания. Тот самый мужчина в пиджаке.

Макс чуть ли не вприпрыжку выбежал из давящих стен в лето и побежал прочь с территории школы. Через дорогу его ждал фургон.

– Ах, хорошо! У вас тут кондиционер есть, а они экономят походу. – Макс захлопнул дверь фургона и плюхнулся рядом с Никой.

– Ну, как прошло? – спросил Гриша серьезно.

– Плохо, – сообщил Максим – кое-что выяснить все же

удалось, но что делать дальше непонятно.

– И что же? – Моника с интересом ждала поворота событий. – Последний пропавший, Миша Крестовоздвиженский, баловался селфхармом. Вообще, все дети занимались с психологом, что вообще-то нормально для детей из неблагополучных семей, но психолог один...

– Думаешь, это он? – Ника нахмурилась.

– Да хз, – пожал плечами Макс, вспоминая темную силу вокруг Александра Анатольевича. – Все это я вытянул клещами и меня оттуда выгнали. Говорить они больше не будут.

– Я их понимаю, – Гриша фыркнул – школьным преподам сегодня проще сесть, чем оппозиционерам на условке.

– Ну не...

– До такой. – С нажимом отрезал Гриша.

– В любом случае, я знаю его в лицо и по имени.

– Неплохо, – Ника уставилась в пустоту болезненно ироничным взглядом – Но вряд ли он с тобой будет говорить.

Максим вздохнул. Он отлично понимал разочарование Ники. Он чуял в каждом ее движении потребность в выражении подавленных инстинктов. Максиму было это знакомо. Ужасное чувство. Но он не мог помочь Монике. Что делать дальше было совсем непонятно. Хоть домой с возвращаться. Снова поверженным...

– У меня есть идея, – Гриша напряженно озирался по сторонам, пытаясь маневрировать в пробке, – Но это недешево.

– Деньги у нас есть, – Максим отмахнулся – а раз нет дру-

гих вариантов, то о нашем бюджете ты все знаешь.

– Отлично! Нам нужен мой ноутбук, быстрый интернет, фотоателье и купить битки.

– Ну, как я выгляжу? – Гриша вертелся перед зеркалом в дешевом бежевом костюме. – Лейтенант Кузнецов к вашим услугам.

– И вот за это столько денег... – Макс в сторонке все еще задумчиво вертел липовую ксиву. Единственное Гришино фото с серьезным лицом. – И столько дней непонятно на что...

– И на том спасибо скажи, – отозвался Гриша – у тебя за сдачу от завтрака и несколько дней появляется возможность притвориться сотрудником следственного комитета. Это ли не торжество культуры даркмаркетов?

– Оно самое, но рентабельность у этих чуваков должна быть бешеная. – Максим отшвырнул удостоверение на кровать, снова передавая его таким образом Нике.

– Неважно, – отмахнулся Гриша. – Главное, что я теперь лейтенант юстиции, по крайней мере для тех, кто не может это проверить, в том числе для твоего психолога-юрист.

– Осторожнее с ним. Подозреваю, он умный...

– У меня не твой скилл вранья, но думаю, я справлюсь, – Гриша весело подмигнул ему. – Он детский психолог, а не Кэл Лайтман.

– И даже не Пол Экман, и не лейтенант юстиции, но...

– У тебя волосы короче, чем у меня, может тебе лучше было делать ксиву?! – огрызнулся Гриша.

– Меня они уже знают и помнят. К тому же я... толстоват.

– Ты жирный! – отрезал Гриша.

– Лейтенант Кузнецов, следственный комитет. Хотим задать несколько вопросов о пропавшем Мише Крестовоздвиженском.

Максим с Никой сидели в фургоне, напряженно уставившись в экран ноутбука. Из динамиков доносился голос Гриши.

– Так, первую реплику он не запарол, держится убедительно. – Максим нервничал.

– Следственный комитет? Простите, я... можно увидеть ваше удостоверение?

Макс хлопнул себя по лицу и болезненно застонал.

– Он не достал удостоверение! Это провал, мы просто спустили кучу денег на липовую ксиву, которая...

– Да, конечно. – Гриша звучал твердо и довольно убедительно.

Моника закатила глаза. В фургоне было слышно, как он залезает в нагрудный карман за удостоверением.

– Не смотри на меня так, – Макс отнял руки от лица – лгать искусство, уж я знаю.

– Не знаю. – Ника опустила глаза.

– Проходите, проходите. Чай? Кофе? – Макс вслушивался

в транслируемую речь директрисы.

– Забавно, чем старше человек, тем больше он заискивает перед представителями власти.

– Тсс! Дай послушать! – зашипел Макс на Монику.

– Нет, спасибо. У меня к вам лично всего несколько коротких вопросов.

– Я думала, что мы уже ответили на все вопросы. Я разговаривала с полицией, с волонтерами, занимающимися поисками пропавших... Не знала, что делом больше не занимается полиция.

– Нам передали дело пару дней назад. Скорее всего мальчик сам убежал и разыскать его маловероятно, но в виду его малого возраста... сами понимаете, мы вынуждены опросить всех по списку.

– Что он несет?! – прошипел Макс. – По какому еще списку? При чем тут... – Ника закрыла ему рот ладонью.

– Со всеми учителями уже беседовали, я не понимаю...

– Таков порядок. – эти слова магическим образом повлияли на директрису. – Вы не знаете, куда он мог пойти?

– Не думаю, что могу вам помочь, – Валерия Михайловна покачала головой. – Его классный руководитель не в городе, как и большая часть класса. Лето, сами понимаете...

– Понимаю. Но у вас же есть какое-то представление о мальчике, так? – Гриша снова вернул себе личину уверенного следователя.

– Школа с первого по одиннадцатый класс, – голос зазвучал

чал приторно. – Более полутора тысяч учеников, в этой сборной солянке...

– Да, я понимаю, – Гриша перебил Валерию Михайловну. – И все-таки. У него были друзья, которые могли бы дать ему приют? Может друзья семьи, дальние родственники?

– Вообще-то... – директриса замялась.

– Дайте угадаю, – Гриша с трудом удержался от того, чтобы закатить глаза, – из неблагополучной семьи, проблемы дома, а значит никаких друзей в школе и, конечно, двоечник? – глаза директрисы еще сильнее забегали, она молчала. – Валерия Михайловна. – Максим мог только тяжело вздохнуть, понимая, что Гриша не так плох, как он ожидал. – Вы же понимаете, что мне надо услышать это от вас. Чтобы там ни было, вы должны сообщить это мне. – Директриса тяжело вздохнула.

– Он не был двоечником. Вообще-то, наоборот. У него были хорошие отметки.

Максим выпрямился. Это что-то новенькое. Вот что бывает, когда факты лживы: лживые факты лгут. Это меняет что-то?

– Не был двоечником? Вот как... – пробормотал Гриша. – Тогда почему вы...

– Вообще знаете, – курс партии резко сменился, – вам надо поговорить с нашим школьным психологом, Александром Анатольевичем.

Глупая улыбка исказила постаревшее лицо Валерии Ми-

хайловны.

– И как это можно сделать? – Гриша сохранял профессиональный тон.

– Он будет тут завтра, знаете, он замечательный человек, работает летом, занимается с особой группой, дети его просто... – Макс убавил громкость. Бодрое кудахтанье его вгоняло в мигрень и притупляло инстинкты, – ... меня тут завтра не будет, уж простите, все на попечении Александра Анатольевича, я дам вам номер!

Из здания школы Гриша вышел победителем; с желтым стикером в руке он на ходу развязал сдавливающий горло галстук и вприпрыжку побежал к фургону.

– Ну знаете ли! Меня много раз арестовывала полиция, теперь понимаю власть ксивы! Надо прикупить резиновых дубинок, – возбужденно говорил он.

Сейчас Максим мог заметить на лице Гриши нехарактерные для него бисеринки пота. Запоздало Макс понял, что Гриша вообще-то отнюдь не был спокоен, и весь этот маскарад дался ему с нервотрепкой.

– Неважно. В итоге у нас его номер, так?

– Так! – Гриша расплылся в улыбке. – Только подумай, неужели так просто притвориться следователем! Искусство лжи, искусство лжи... – они с Моникой насмешливо уставились на него.

Тяжело дышать. И вода тяжелая. Надо фильтр поменять.

Денег нет. Не важно. Не сейчас.

Он стоял под душем и старательно тер тело руками везде, где мог дотянуться. Он снова прибавил горячую воду и стиснул зубы от боли. Боль нас очищает; боль – это катарсис; лучше боль от горячей воды, чем от того, что он чувствует.

Тяжело дышать. Дышать тяжело. Он стукнул кулаком по скользкой кафельной стене. Больно.

Волосы такие мокрые, такие липкие. Он несколько раз продрал их пальцами, затем еще и еще, изо всех сил растирая кожу головы до боли.

Для мальчика все закончилось. Для него нет. Он слишком слаб, он не может. Просто не может. Снова хрипло выдохнув воздух, мужчина резким движением откинул шторку ванной и схватил с раковины бритвенное лезвие. Дыхание зачастило; сердце болезненно стучало о ребра. Мужчина сгорбился и прижал лезвие к запястью. Ему было страшно. Он зажмурил глаза и надавил на лезвие. Секунда, две, три. Он повел лезвие.

«Нет!» – Мужчина с надломленным ревом швырнул лезвие куда подальше. На руке остался неглубокий надрез немногим более сантиметра в длину. Он не может, просто не может. Трясущимися руками он снял с полки небольшой пластиковый пузырек. Внутри мокрая коричневатая кашка. Щедро зачерпнув самопальный опий на палец, он закинул несколько порций себе под язык.

Мужчина лег на дно ванной и обхватил себя руками, под-

тягивая колени так, что горячая вода попадала на все его тело. Он заплакал. Горько, противно и просто жалко.

Медленный по сравнению с Москвой ритм жизни Нижнего раздражал Максима. Внутри не переставала кипеть. Слабо, тихо, но непрерывно, стоило его мозгу с утра осознать, что он больше не спит, и до того неуловимого момента отключения. А может и в перерыве, но он не помнил.

Снова сидя в фургоне, они слушали Гришу через микрофон. Слушая шаги Гриши, Максим не переставал думать о потраченных на образ следователя деньгах. Под ложечкой сосала крайне неприятная тревожность, какая всегда бывает при попытке смазать карту серого будня. Может, не стоило пытаться? Может, это все закончится крахом всего?

– Войдите. – В кабинете Гришу за столом ждал Александр Анатольевич. Строгое лицо с выдающимися бровями, неестественные губы и жидкие чуть седые волосы.

– Здравствуйте, Александр Анатольевич?

– Я. Прошу, проходите, садитесь.

Грише не понравилось как учитель его пригласил. Учитель держался учтиво, но не униженно; его лицо действительно выражало деловитость, но на стул он указал рукой, при этом глядя на Гришу не мигая.

– Благодарю. У меня к вам пара вопросов.

– Валерия Михайловна меня предупредила. – Он говорил довольно громко, но спокойно, смотрел Грише прямо

в глаза. – О Мише Преображенском, как я понимаю? – Гриша кивнул. – Хороший был мальчик, – произнес Александр Анатольевич, со вздохом отводя глаза.

– Как я понимаю, он у вас был на карандаше?

– Что вы имеете в виду? – учитель впился в Гришу взглядом.

– Он был проблемным ребенком? Почему он постоянно ходил к вам? – Гриша чувствовал себя некомфортно. Учитель распространял вокруг себя подавляющую все живое энергетику.

– Психолог нужен не только проблемным...

– Лейтенант юстиции Кузнецов, – Гриша, спохватившись, лихорадочно вынул из кармана удостоверение и протянул его собеседнику.

Александр Анатольевич взял ксиву и внимательно рассмотрел. Спустя секунду он усмехнулся.

– Недавно на этой работе, лейтенант? Только с юрфака? – в голосе Александра Анатольевича слышалось откровенное превосходство.

– Что? Да... – Гриша на рефлексх согласился, плохо понимая, что ему лучше делать.

Александр Анатольевич насмешливо вернул ксиву Грише. Тот облегченно вздохнул.

– Как я говорил, психолог нужен не только проблемным детям, даже полностью стабильным и самодостаточным детям и взрослым бывает нужна помощь и поддержка, и...

– Но, как я понимаю, – перебил Гриша – школьный психолог не может без причины заниматься с каждым ребенком, с каким считает интересным.

Они боролись взглядами.

– Верно, – Александр Анатольевич нарушил молчание. – У Миши действительно были определенные проблемы, но не уверен, что я вправе их обсуждать.

Он скрестил руки на груди.

– Знаю, – Гриша был готов к этому – но ребенок пропал. Я должен быть уверен, понимаете? Нам надо собрать о нем побольше информации, чтобы точно понимать, что он убежал сам, и куда он мог пойти. Были ли у него...

– У него не было друзей в школе, ясно? – грубо остановил Гришу учитель. – Его никто особо не любил.

– А... – Гриша подвис. – А почему? Что с ним... – Александр Анатольевич тряхнул головой.

– С ним все в порядке! – психолог немного повысил голос. – Он был хорошим ребенком. Извините. – Он снова вернулся к нормальному голосу.

– Так, значит, что-то было не в порядке? – Гришу начинала раздражать эта игра в вопросы. Александр Анатольевич всем своим видом показывал, что знает ответ, но не решается говорить. – Слушайте, мне...

– У парня были проблемы с родителями. Серьезные. – Психолог покачал головой.

– Проблемы с родителями? – Гриша нахмурился – Вале-

рия Михайловна сказала, что мальчик был из благополучной семьи...

– Нет. – Александр Анатольевич говорил с нажимом. – Родители не пьющие, при деньгах, все нормально. Только... – Он поморщился, будто сталкиваясь с тараканом в ванной. – Родители, скажем так, завысили планку. – По выражению лица Александра Анатольевича было видно, что он сильно сглаживает углы.

– Вы не могли бы?..

– Грязные подробности? – мужчина горько усмехнулся. – Конечно. Обычная история: ребенок просто не выдерживает всех амбиций родителей. Знаете как это бывает: «четверка – это не пять, мы идем на медаль... в третьем классе» и все в таком роде. Он был милым мальчиком, старался... – Александр Анатольевич уже активно возмущался и жестикулировал. – Дошло уже до того, что заикался и плакал у доски. Если у вас будут дети, лейтенант, дайте им право на ошибку... – психолог отстраненно смотрел в окно. – Его, конечно, не били, но у родителей и так достаточно рычагов давления на своих детей. Полагаю, после одной из истерик он и сбежал, – подытожил Александр Анатольевич.

– Я слышал, – Гриша заговорил после паузы, – Крестовоздвиженский резался. Это правда?

– О, вижу вы все же прочли мои предыдущие показания... – он хохотнул – ведь так? Прочли?

– Да, разумеется, – Гриша снова похолодел.

– А... Ну ладно... – Александр Анатольевич смотрел на него весьма подозрительно.

– Так резался или нет?

– Да, у него были следы на руках, и мы говорили об этом, но разве это имеет значение? – Гриша сглотнул; слишком уж вкрадчиво смотрел на него учитель.

– А он не мог... Пойти в какое-нибудь место, где его не найдут, и совершить самоубийство? – Александр Анатольевич усмехнулся.

– Не думаю, скорее просто сбежал. Вы еще молоды, лейтенант... Вы представляете, какая нужна сила воли, чтобы отнять жизнь у себя самого? А десятилетний мальчик... Совершенно, лейтенант, очень сомнительно. – Он не мигая смотрел Грише прямо в глаза.

– Ладно, я лично услышал ваше мнение, – Гриша достал из кармана пачку бумажных стикеров и взял со стола психолога ручку – я оставлю вам свой номер, если вдруг все же вспомните что-то важное, позвоните мне. – Он отклеил стикер с цифрами и прилепил его к столу. Подняв взгляд, он обнаружил, что Александр Анатольевич смотрит на него задумчиво и весьма подозрительно.

– Прошу прощения? – Гриша сохранял спокойствие.

– А вы не слишком все же молоды для лейтенанта? Сколько вам лет?

– Двадцать семь, – соврал несчастный «Кузнецов» неубедительно.

– Да... А вам на службе позволяют носить такую прическу? Уж больно волосы длинные...

Гриша поежился. Цепкий взгляд Александра Анатольевича впился в его конский хвост.

– Что? А! Да... Меня никогда не спрашивали. Знаете, мне надо бежать, – Гриша сильно нервничал; на лбу снова выступил пот. – Все, мне пора, не забудьте про номер.

– До свидания, лейтенант, – усмехнулся учитель, когда Гриша в спешке покидал его кабинет.

Максим в фургоне проигнорировал и появление Гриши, и что они тронулись. Он хмуро уставился на дорогу и зелень кругом. Детали воспоминаний немного размылись с годами, но он не мог ничего из этого забыть.

Второй класс, ему семь; он уже не тощий ангел из рекламы киндера, но еще и не толстяк, одежда сидит плотно, но не тесно, волосы взлохмачены, но не спутаны, спина и плечи только начинают сутулиться.

Ровные ряды школьных парт, настолько одинаковых, что в трех можно и заблудиться. Абсолютно никто не хочет тут быть. Включая учительницу. Она сидела за столом: плохо окрашенная блондинка, за пятьдесят, с маленькими торчащими глазками и мужским лицом она напоминала раздавленную жабу.

Максим старался не смотреть на нее, он старался вообще никуда не смотреть и с каким-то трудом поспевать за ее бешеным темпом в записывании слов.

– Слово «ночь»! – она ходила вдоль доски и зачем-то повторяла вслух то, что записывала. – Миронов!

– Ну я. – В задних рядах сидел хамоватого вида мальчик с острым подбородком.

Он весь урок играл под партой с йо-йо и убрал, только когда его вызвали. Глядя на учительницу он нахально улыбался.

– Головка от буя! – весь класс рассмеялся глупым детским смехом, но хулиганистый мальчишка, очевидно, только упивался вниманием. – Разбор слова по составу! Быстро!

– Да я бы разобрал, Светлана Владимировна, но боюсь обратно не собрать! – класс снова заржал.

– А ну тихо! – визгливо квакнула учительница. – Плохо, Миронов. Мацкевич!

Сидящая за одной из передних парт в строгой позе девочка оттарабанила приготовленный заранее ответ без единой запинки.

– Окончание – нулевое, основа слова – все слово, корень слова – «ночь», корень слова – все слово.

– Хорошо...

Максим кривыми буквами записал сказанное в тетрадь, затем, судорожно меняя ручки, подчеркнул морфемы зеленым. Синяя ручка для письма улетела под парту и с оглушительно громким для тихого класса стуком выкатилась в проход.

– Медведев! – жаба резко переключилась на него. – У те-

бя что, руки отнялись? – класс семилеток уже воспринимал все эти выпады как стэнд-ап и начал смеяться. Максим выдохнул.

– Извините, Светлана Владимировна, ручку уронил...

– Я вижу, что уронил! Медведев, не мешай мне урок вести!

«Ни в коем случае. Можете продолжать унижать второклассников, я вам не помешаю!»

Максим потянулся в проход, чтобы поднять ручку. Он несколько раз протер пальцами грязный линолеум, прежде чем обнаружить, что ручку в руках вертит придурок Миронов, вызывающе смотря на него. Класс под диктовку разобрал записал еще два слова. Максим убийственно посмотрел на одноклассника.

«Я воткну эту ручку ему в глаз! Богом клянусь, воткну эту ручку ему в глаз! Как же меня достал этот придурок!»

– Отдай! – прошептал он одними губами. Весь класс шел далеко вперед, и Макс уже предвидел кучу красных жирных пометок в тетради.

Задира насмешливо пожал плечами и отвернулся к своей тетради. Еще с секунду посверлив Миронова взглядом, он вернулся к записям, взял из пенала другую ручку и продолжил мысленно карать нахального низкорослика.

Через минуту ему в голову прилетел кусочек ластика, оторванного от карандаша. Максим вздрогнул. Бросивший ластик Миронов сдавленно прыснул в локоть. Макс с новой

злостью в глазах повернул к нему голову и в этот момент сосед Макса по парте пронес руку у него над головой. Прошло несколько секунд, прежде чем Макс начал отряхивать волосы и понял, что ему на голову высыпали небольшую горсть катышков от ластика. Дрянь легко проваливалась между волосами и запутывалась между ними.

В горле что-то кололо от бешенства. Не особо задумываясь о своих действиях, Максим схватил соседа по парте за предплечье и сжал. Тот недоуменно посмотрел в ответ, будто спрашивая: «Ну и что ты сделаешь?»

Они пялились друг на друга секунд тридцать, но обидчик видимо решил, что они одной комплекции, а значит драка в разных условиях не честна по отношению к нему.

– Светлана Владимировна! Максим меня отвлекает! – крикнул через класс неожиданно высоким голосом детина. Жабба отвернулась от доски к классу.

– Медведев! Тебе, я вижу, все понятно. Ну-ка разбери следующее слово по составу! «Пишущий», вперед.

– Окончание слова «ий», основа слова «пишущ», – голос Максима подрагивал даже при ответе с места – корень «пиш» -«пис»... Максим замялся, вспоминая продолжение разбора и, чтобы разрядить обстановку посмотрел в мелкие жабы глазки и выдавил из себя улыбку.

– Медведев! – кваканье опять неожиданно повеселело. – Ты что, знакомое слово услышал и тебе сразу так весело стало? – Ее уродливое лицо исказилось в злобной усмеш-

ке. Класс покатился со смеху. Максим держал голову прямо, боясь пошевелиться. Голова закружилась, перед глазами поплыло. – Вы вообще замечали, что в учебниках, когда изображают неандертальцев, всегда рисуют мужчин?

Класс не переставал ржать. Смеялись все. И довольно милые и адекватные люди, которые Максима не особо третировали. А внутри Макса полыхали ярость и ненависть.

«Давай, Максим, ответь ей! Ты же знаешь, что прав, что она просто самодовольная сука! Оставайся спокойным и ответь ей, как учила мама, что она не права, объясни почему.» Но он продолжил молчать.

– Думаешь, они и правда просто убежали? – спросила с сомнением Моника.

– Херня! – решительно заявил Гриша. – Тела просто так не исчезают. И уж тем более не появляются.

Максим вытер лицо полотенцем, надел свою футболку и вышел из ванной. Увидеть он ничего не успел, но отчетливо услышал спешный скрип кроватей. Очевидно, Ника только что спешно отлипла от Гриши и пересела на соседнюю кровать.

– Уверен на сто процентов: все двенадцать мальчиков были убиты одним человеком, – опустив взгляд, сказал Максим.

– Ты уверен... – пробормотал Гриша.

– Помните первый класс? – отстраненно спросила Моника. – Вот какой у вас был первый день?

– Смутно, – Максим усмехнулся. – Слезы помню, злоебучий букет роз помню с меня ростом... Помню, потерял книжку с картинками. Про Дона Кихота...

– Я помню как заблудилась в коридоре, – перебила Моника. – Забрела куда-то и разрыдалась. На меня наткнулись какие-то старшеклассники, успокоили и вывели.

– А потом на тебя классуха наорала за то, что пока ты рыдала, пропустила фотосессию! – Гриша в голос заржал.

– Мило.

Максим будто в трансе спустился во двор дома, где они снимали комнату. Уже совсем стемнело. Под деревом был припаркован фургон. Макс не спал в их комнате. Пожаловался на тараканов: устал всю неделю видеть, как Моника с Гришей держатся за руки перед сном и пытаются сдвинуть кровати поближе, когда он засыпает.

Он зажег лампочку на потолке и сел за дорожный стол, достал дневник и ручку. Ему вспомнилось одно воскресное утро из детства.

Он зашел в комнату к матери, та чиркала что-то в ежедневнике. Отец поднял его с час назад и уехал на тренировку. Максим сел за непомерную гору домашки. Школа в очередной раз проникла туда, где ее быть не должно.

– Мама, мне помощь нужна.

– Одну секунду.

Она пошла за ним, ласково улыбаясь. Они уселись за его

стол для учебы. Мать поморщилась и грубым брезгливым движением отодвинула от себя кучу тетрадей и листов. Большая их часть упала, Макс бросился поднимать. Вернувшись на место, он придвинул к матери тонкую тетрадь по математике, ожидая ее совета.

– Не загораживай мне свет! – процедила она сквозь зубы. Макс нехотя отодвинулся.

Тетрадка была наполовину исписана крупным детским почерком. Мама с некоторой брезгливостью перелистнула несколько страниц, бегло вчитываясь в записи. Максим тем временем показывал на задачку и рассказывал о своей проблеме.

– Это проще, чем ты думаешь, зайка, – мама ласково улыбнулась – давай, где писать можно, я тебе все объясню.

Макс дрожал как осиновый лист. В горле уже непросто щипало – там саднило. Он стиснул зубы, слезы так и просились на лицо.

– Да ну сколько можно тупить-то, а?! – она опять сорвалась на крик. – Мы уже полчаса одну несчастную задачу мучаем! Соберись немножко, мне это что ли надо?!

– Я не понимаю, мама! Ты не помогаешь! – Слезы все-таки потекли. – Я не знаю как понять это, мама, ты просто повторяешь, а не объясняешь!

– Еще раз!.. – лицо матери было перекошено от гнева.

– Нет! – вырвалось у Максима – ты высасываешь из меня силы, я больше не могу!

– Конечно, ты устал! – она говорила с презрительным сарказмом. – Ты же полчаса уже мне тут отчаянно сопротивляешься возможности понять простую тему и двигаться дальше! – Она орала на него, громко и непрерывно орала. – Ты так и будешь сидеть и тратить мои и свои нервы до вечера, потом опять ныть, что ты не успел! Давай, соберись и...

Максим не сдержался и окончательно разрыдался. Сердце болезненно колотилось в груди, горло жгло, тело билось в судорогах. Из носа моментально полились сопли.

– А ну сядь нормально! – истерика Максима смутила и остановила маму, но уже через секунду она разразилась криком будто бы с новой силой. – Хватит! Быстро! Ну ка вытри сопли и соберись! Мне тут с тобой весь день сидеть? Я вообще-то тоже устаю!

Макс не прекращал, просто не мог остановиться. Плакать было уже просто физически больно, лицо чесалось, грудь болела, зрение почти пропало из-за слез.

– Раз! Слышишь меня! Я сказала раз! Два! – крик был просто истошным, у Максима немного зазвенело в ушах. Чувствуя, как слезы только усиливаются, он все же был вынужден неуклюжими медленными движениями сесть в рабочую позу и вытереть лицо рукавом.

Он сжал этот мерзкий комок внутри, сдавил его всеми силами и под неотвратимо повторяющиеся выкрики «Пиши!» продолжил делать задание. Через минуту под очередной рев мамы он снова разрыдался. Резко, без какого-либо преду-

преждения. Слезы быстро смочили тетрадные листы.

Он видел лишь размытый силуэт орущей матери перед ним. Он продолжал отвечать плачем на крики в свою сторону. Глаза Максима сжались до узких щелочек, из которых лились слезы.

Мамино терпение лопнуло, и она с размаху залепила ему пощечину. Лицо обожгло, и он упал со стула. Картинка перед глазами завертелась, через минуту встала на свои места и мысли снова заработали.

– Почему мне все время нужно силу применять?! Нормальную речь вообще не понимаешь?! Все время ремня надо?!

Максим отчаянно заорал и, сорвавшись с места, бросился на мать. Они сцепились руками, пытаясь вырваться друг у друга, лица обоих были перекошены ненавистью и страхом. На шум прибежал вернувшийся папа. Мама была оперативно отправлена отдыхать.

Отец грубо встряхнул его несколько раз, но от истерики и плача это не помогло. Он несколько минут смотрел на рыдающего Максима и пытался какими-то словами того успокоить и вернуть к урокам, отправить извиниться перед мамой. Истерика так и не остановилась, он тоже обозлился и принялся неистово трясти Максима, болтающегося в его руках как большая кукла.

Максим пнул папу в бедро и, не понимая, что происходит, принялся отбиваться ногами изо всех сил. Через мгновение

он снова чуть не отключился от размашистой оплеухи. После этого отец еще поорал на него и разочарованно оставил одного в комнате с открытой дверью.

Макс резко проснулся от стука в стекло фургона. Ручка валялась где-то на пустом спальнике. Похоже, он заснул, сидя над дневником. За окном его ждал Гриша. Придя в себя, Максим был вынужден отпереть дверь.

– Сколько времени? – он закрыл лицо руками.

– Пол одиннадцатого. Можешь сходить почистить зубы, но вещи из фургона не вытаскивай. Заедем позавтракать и поехали.

– Чего? Куда? – Макс встряхнулся.

– Звонил этот самый. Сказал, что сомневается, но на всякий случай решил сказать про одно место.

– Надеюсь, не про то, куда обычно ментов посылают? – Максим болезненно тер глаза.

– Практически. Там в лесополосе место, где регулярно то бомжи, то нарики делают себе притон. Говорит, наткнулся на него с группой школьников, когда в турпоход их всех водил, Миша Крестовоздвиженский вполне мог запомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.